

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**МАТЕРИАЛЫ
55-й МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

МНСК–2017

16–20 апреля 2017 г.

АРХЕОЛОГИЯ

**Новосибирск
2017**

УДК 902
ББК 63.4я431

Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2017: Археология / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – 92 с.

ISBN 978-5-4437-0636-8

Научный руководитель секции – академик РАН, проф. Молодин В. И.

Председатель секции – д-р ист. наук, проф. Кривошапкин А. И.

Ответственный секретарь секции –
канд. ист. наук, доцент Алкин С. В.

Экспертный совет секции

д-р ист. наук, проф. Лбова Л. В.
д-р ист. наук, проф. Худяков Ю. С.
д-р ист. наук, доцент Шуньков М. В.
канд. ист. наук Выборнов А. В.
канд. ист. наук, доцент Митько О. А.
канд. ист. наук, доцент Новикова О. И.
канд. ист. наук, доцент Скобелев С. Г.

ISBN 978-5-4437-0636-8

© Новосибирский государственный
университет, 2017

**NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**PROCEEDINGS
OF THE 55th INTERNATIONAL STUDENTS
SCIENTIFIC CONFERENCE**

ISSC-2017

April, 16–20, 2017

ARCHAEOLOGY

**Novosibirsk, Russian Federation
2017**

Proceedings of the 55th International Students Scientific Conference.
Archaeology / Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russian Federation.
2017. 92 pp.

ISBN 978-5-4437-0636-8

Section scientific supervisor – Acad. of RAS, Prof. Molodin V. I.

Section head – Dr. Hist., Prof. Krivoshapkin A. I.

Responsible secretary – Cand. Hist. Alkin S. V.

Section scientific committee

Dr. Hist., Prof. Lbova L. V.

Dr. Hist., Prof. Khudyakov Ju. S.

Dr. Hist., Assoc. Prof. Shunkov M. V.

Cand. Hist. Vybornov A. V.

Cand. Hist., Assoc. Prof. Mitko O. A.

Cand. Hist., Assoc. Prof. Novikova O. I.

Cand. Hist., Assoc. Prof. Skobelev S. G.

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

УДК 903

Техника скола при производстве пластинок и микропластин в мезолите Восточного Прикаспия (по материалам грота Дам-Дам-Чешме 2, слой 5)

Алишер кызы Салтанат
Новосибирский государственный университет

Грот Дам-Дам-Чешме-2 располагается в южном Туркменистане, на восточных склонах Большого Балханского хребта. Впервые раскопки на памятнике проводились под руководством А.П. Окладникова (1949-1952 гг.), исследованная площадь составила 40м². Исследователем здесь было выделено 5 культурных слоев: где слой 5 «низ», 5 «верх» и 4 были отнесены к мезолиту [Окладников, 1953]. Материалы, полученные в ходе данных раскопок, не подвергались подробному анализу, таким образом, на данном этапе исследовании актуальным является проведение подробного технико-типологического анализа мезолитических коллекций грота Дам-Дам-Чешме-2. В рамках настоящего исследования была проведена работа по определению использовавшейся техники скола при производстве пластинок (ширина сколов 12–6 мм) и микропластин (ширина сколов до 6 мм) в слое 5 памятника. В работе техника скола определялась согласно критериям, опубликованным в работе Г.Д. Павленок и К.К. Павленок [2014].

В ходе работы было проанализировано 302 экз. пластинок из нижней части слоя 5. Для пластинок характерно преобладание прямых линейных и гладких ударных площадок с отсутствием следов редукции. На вентральной поверхности сколов читаются средние по размеру, расплывчатые по форме ударные бугорки без «усиков», трещин, изъянца, а так же характерно наличие вентрального карниза. Пластинки демонстрируют преимущественно изогнутый в медиальной части или слабо закрученный латеральный профиль, треугольное поперечное сечение и перовидное дистальное окончание. Показатель удлинненности пластинок достигает значения 1:3.

В нижней части слоя 5 представлено 53 экз. микропластин. Для микропластин характерно преобладание прямых линейных площадок со следами абразивной обработки. Также, для них характерно наличие

средних по размеру, расплывчатых по форме ударных бугорков без «усиков» и трещин, практически не отмечается изъязцев и вентральных карнизов. Среди микропластин прослеживается сколы с треугольным и трапециевидным поперечным сечением и слабозакрученным латеральным профилем и перовидным дистальным окончанием. Показатель удлиненности микропластин достигает значения 1:3.

Из верхней части слоя 5, было проанализировано всего 209 экз. пластинок. Для пластинок характерно прямые, линейные и гладкие ударные площадки со следами редукции в виде снятия карниза мелкими сколами. Также для них характерно наличие средних по размеру, расплывчатых по форме ударных бугорков без «усиков», трещин, изъязца, так же характерно наличия вентрального карниза. Среди пластинок преобладают сколы с трапециевидным и треугольным сечением, изогнутом в медиальной части и слабозакрученным латеральным профилем, и перовидным дистальным окончанием. Показатель удлиненности пластинок достигает значения 1:3.

Во время исследования было проанализировано 82 экз. микропластин из верхней части слоя 5. Для микропластин характерны прямые линейные ударные площадки без следов редукции. Микропластины обладают расплывчатыми по форме, мелкими по размеру ударными бугорками без «усиков» и трещин, также отмечается наличия вентральных карнизов. Для микропластинчатых снятий характерен слабозакрученный латеральный профиль, треугольное и трапециевидное поперечное сечение и перовидное дистальное окончание. Показатель удлиненности микропластин достигает значения 1:4.

Основные морфологические характеристики пластинчатых сколов схожи и свидетельствуют о том, что они были получены посредством ударной техники с применением мягкого отбойника. Важно отметить, что вместе с этим в верхней части слоя 5 выделяются единичные экземпляры пластинок и микропластин, которые демонстрируют применение отжимной техники. Важно отметить, что в вышележащем слое 4 памятника пластинки и микропластины получали при помощи техники отжима. Таким образом, на настоящий момент можно предположить, что материальные комплексы слоя 5 памятника Дам-Дам-Чешме-2 демонстрируют появление инновационной для региона отжимной техники получения пластинчатых заготовок. Данный комплекс можно рассматривать в одном ряду с индустрией памятника Оби-Киик (Памиро-Алай) [Шнайдер, 2014], где также фиксируется наиболее ранее применение отжимной технологии в центральноазиатском регионе.

Научный руководитель – канд. ист. наук Шнайдер С. В.

Технико-типологическая характеристика мелкопластинчатых сколов стоянки Ходжа-Гор

Алишери Д.

Новосибирский государственный университет

В настоящий момент особо актуальным является уточнение культурно-хронологической позиции позднплейстоценовых-раннеголоценовых материалов опорных памятников региона, изучавшихся ранее, но не рассматривающихся на новом этапе изучения [1 - 3], одним из них является стоянка Ходжа-Гор. Которая расположена 20 км южнее от г. Исфара (Таджикистан) и изучалась под руководством А.П. Окладникова в 1954–1955 гг.[4]. Находки на памятнике частично были собраны на поверхности, частично в раскопе, каменные изделия находились во взвешенном состоянии в слое палевого суглинка, слагающего верхнюю часть конуса выноса одного из саев, площадью около 200 м² [5]. Материалы, полученные в ходе данных работ, подвергались только типологическому анализу и не были введены в научный оборот в полном объеме. Таким образом, на данном этапе изучения является актуальным проведение подробного технологического анализа коллекции стоянки Ходжа-Гор. В рамках настоящего исследования была проведена работа по определению использовавшейся техники скола при производстве пластинок (ширина сколов 12–6 мм) и микропластин (ширина сколов до 6 мм) [6].

Для определения техники скола использовались признаки, представленные в статье Г.Д. Павленок и К.К. Павленок [7].

В ходе исследования было проанализировано 289 экз. пластинок, из них целых – 24 экз., фрагментированных, сохранивших проксимальную часть – 188 экз. Для пластинок характерно преобладание прямых гладких и линейных ударных площадок, со следами прямой редукции. Для вентральной поверхности сколов отмечается отсутствие усиков, трещин и изъязца и вентрального карниза. Пластинки демонстрируют преимущественно прямой или изогнутый в медиальной и дистальной части латеральный профиль, треугольное поперечное сечение и перовидное дистальное окончание.

Также в ходе исследования было проанализировано 84 экз. микропластин, из них целых – 7 экз., фрагментов с проксимальной частью – 31 экз. Для микропластин характерно преобладание прямых гладких и линейных площадок со следами редукции мелкими сколами. Также, для вентральной поверхности микропластин характерно наличие расплывчатых ударных бугорков без «усиков» и трещин, практически не отмечаются

изъянцы и вентральные карнизы. Среди микропластин преобладают сколы с трапециевидным и треугольным поперечным сечением и прямым и изогнутым латеральным профилем. Микропластины демонстрируют преимущественно прямой латеральный профиль, треугольное поперечное сечение и перовидное дистальное окончание.

В индустрии стоянки Ходжа-Гор представлено 18 экз. нуклевидных изделий, типологически определяемые изделия, направленные на получение мелкопластинчатых заготовок, представлены призматическими формами. Практически все изделия одноплощадочные. Угол между ударной площадкой и фронтом скалывания нуклеусов составляет около 70°. Дуга скалывания изделий оформлена при помощи прямой редуции. За единичными исключениями, нуклеусы находятся на крайней стадии утилизации.

Данные по основным морфологическим характеристикам пластинок, микропластин и нуклеусов указывают на то что, мелкопластинчатые заготовки в индустрии стоянки Ходжа-Гор были получены при помощи ударной техники.

1. Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.
2. Шнайдер С.В. Изучение раннеголоценовых археологических комплексов на территории западной части Центральной Азии: Обзор концепций// Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. №2. С.51-55.
3. Шнайдер С.В. Генезис мезолита на территории Памиро-Алая // 4 Северный археологический конгресс. Материалы. 2015. С. 58–59.
4. Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана // Спб. 1996. – 116 с.
5. Окладников А.П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы // Мат-лы II совещ. археол. и этногр. Средней Азии. М. – Л., 1959а. – 4 с.
6. Tixier, J. Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb. Memoires du Centre de Recherches Anthropologiques, Préhistoriques et Ethnographiques, Alger. Paris. 1963. 511 p.
7. Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. вып. 5: Археология и этнография. С.26-36.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Кривошапкин А. И.,
канд. ист. наук Шнайдер С. В.

Доиспанские погребальные традиции Северных Анд: культура вальдивия

Гаврилина Т. А.

Новосибирский государственный университет

В 1956 г. на побережье современного Эквадора археологом-любителем Э. Эстрадой была открыта культура вальдивия (по названию эпонимного памятника – Вальдивия), одна из ярчайших культур южноамериканского континента (6000-3800 л. н.) [3]. Основываясь на внешних характеристиках керамики, такие известные специалисты, как Б. Меггерс и К. Эванс из Смитсоновского института (США), в сотрудничестве с Э. Эстрада выдвинули смелую версию о предполагаемых трансокеанских контактах Южной Америки и Японии (культура дзёмон). Это вызвало волну критики и полемики в археологической литературе [2]. Особенный интерес в этой дискуссии для исследователей представляет памятник Реаль-Альто, открытый Х. Маркосом в 1971 г., иллюстрирующий все (восемь) фаз развития культуры, а также монументальные сооружения (земляные насыпи) и погребальные комплексы в жилищах, в межжилищном пространстве и в пределах специального некрополя [1].

В 2014 г. на Реаль-Альто начала работу междисциплинарная экспедиция российских (Институт археологии и этнографии СО РАН, ДВФУ), японских (Университет Тохоку) и эквадорских (Приморский политехнический университет) коллег, в формате которой параллельно с раскопками проводится отбор проб на радиоуглеродное датирование, почвы для палинологического анализа, применяется георадар для сканирования памятника, используются возможности бинокулярного изучения артефактов и т. д. [1].

В числе наиболее интересных открытий на памятнике Реаль-Альто в 2015 г. - два знаковых погребения (первичное и вторичное), которые, по предварительным данным, могут относиться ко времени перехода от бескерамической культуры к керамической или к ее начальным фазам (I-II) [3]. Столь древних погребений на памятнике ранее зафиксировано не было, основное внимание уделялось более поздним комплексам.

В частности, первооткрывателем памятника Реаль-Альто Х. Маркосом недавно опубликовано одно из наиболее значимых погребений – погребение женщины 35 лет на участке, который исследователи расценивают как элитный некрополь (4800-4600 л.н., фаза III [4,6]. В непосредственной близости обнаружено еще несколько захоронений: двое взрослых мужчин и шесть человек, не достигших половой зрелости [5].

Специалисты выделяют различные версии по поводу обстоятельств захоронения. Согласно одной из них, речь идет о членах верхушки вальдивийского общества, другая говорит о том, что эти люди могли быть представителями одной семьи. Третья версия приписывает погребению женщины ритуальные мотивы, исходя из необычного погребального инвентаря (керамическая маска, сосуды, инструменты из камня и раковин) [4].

Таким образом, погребальная практика культуры вальдивия представляет значительную ценность для археологического изучения погребальной традиции Северных Анд и Южной Америки в целом. Недавно найденные погребения позволят проследить эволюцию этой практики на побережье Эквадора на протяжении нескольких тысяч лет. Основную проблему на этом пути представляет малая степень опубликованности найденных еще в начале 1970-х гг. погребений (в основном связанных с фазами III-IV культуры вальдивия, около 60 комплексов). Большая часть антропологического и археологического материалов находится в фондах Приморского политехнического университета (ЭСПОЛЬ, г. Гуаякиль, Эквадор), их детальный анализ планируется в рамках продолжения реализации совместного российско-эквадорского проекта в 2017 г.

-
1. Табарев А. В., Маркос Х. Г., Попов А. Н. Совсем не «печальные» тропики: Российская археологическая экспедиция в Эквадоре // Наука из первых рук. 2015. № 5–6. С. 156–171.
 2. Табарев А. В., Маркос Х. Г., Попов А. Н. Эквадор: по следам одной необычной археологической гипотезы // Наука из первых рук. 2013. №5-6. С.124-141.
 3. Табарев А. В., Попов А. Н., Маркос Х. Г. Культура вальдивия: возможности трансокеанских контактов в Пасифике // Природа. 2016. №2. С. 81-82.
 4. Bruhns K., Stothert K. Women in Ancient America. Norman: University of Oklahoma Press, 1999. 343 p.
 5. Fiedel S. Prehistory of the Americas. N. Y.: Cambridge University Press, 1987. 400 p.
 6. Marcos, J. Un sitio llamado Real Alto. Ecuador: Mengraf Telf, 2015. 210 p.

Научный руководитель – д-р ист. наук Табарев А. В.

Элементный состав красных пигментов на основе метода SEM-EDX (по материалам памятника Костенки 14)

Губар Ю. С.

Новосибирский государственный университет

Первые результаты исследований пигментов в Костенковских комплексах представлены в исследованиях Н. Д. Праслова [1]. В данной работе внимание будет уделено памятнику Костенки 14, образцы для исследования были отобраны из II и IV слоя памятника [3].

Памятник является многослойный, стратиграфия памятника была введена А.Н. Рогачевым, уточнена А.А. Синыцыным [2]. Многослойность объекта и сложность стратиграфической картины Костенок-14 определяют проблему культурно-хронологического определения археологических слоев.

Культурный слой II зафиксирован в центральной части мыса, благодаря специфическому кремневому инвентарю был отнесен к городцовской культуре и датирован 33,0-34,0 тыс. л. н. [2]

Культурный слой IV представлен культурными отложениями на восточном и западном склоне в делювиальных отложениях центральной части памятника. Слой IVa функционально являлся местом забоя и разделки туш лошадей, но инвентаря недостаточно, чтобы выделить отдельную культуру, слой датирован временем 39,1-41,0 тыс. л. н. [2]. Также на восточном склоне был выделен слой IVб датировка которого 41,4-42,3 тыс. л. н. [2,3].

Цель исследования – определение элементного состава красных пигментов (красного, темно-красного и розового). Элементный состав был определен с помощью метода сканирующей электронной микроскопии (EDX). Анализ элементов проводился по площади образца с увеличением в 15 крат. Для исследования было отобрано 5 образцов, которые представляют собой небольшие кусочки или шарики, визуально различающиеся по форме, цвету, структуре, следам использования.

Элементный состав красного пигмента образца 5 из II культурного слоя – Fe, является преобладающим элементом, его содержание (37,4), Si значительно меньше (10,6), Al и C представлены незначительным количеством (3,0 и 5,0).

Элементный состав образцов 8 и 10 из IV культурного слоя незначительно отличается друг от друга. Содержание Fe в образцах варьируется от 20,2 до 22,7%, представительство Si в 8 образце больше (19,5), чем в 10 образце (10,8), а содержание C и Ca больше присутствует в образце 10, количество Al в образцах незначительное.

Во всех образцах на поверхности которых присутствует красный пигмент, преобладающим химическим элементом является Fe. Одно из важных различий между образцами – присутствие железа в образцах II культурного слоя (более 32%), по сравнению с образцами IV слоя (в пределах 20-22%).

Серовато-розовый пигмент образцов 1 и 3 II культурного слоя отличается по своему элементному составу. В образце 1 преобладает С (27,0), в 3 образце углерода значительно меньше (8,3), содержание Fe отличается незначительно – 12,8 и 14,2, представительство Са практически на одном уровне 5,2 и 5,0, а Al содержится в 3 образце больше (9,4), чем в 1 образце (1,9). Ниже порога значимости в обоих элементах находятся К (0,6) и (0,4), Mg (0,4) и (0,7) и Na (0,4).

Сравнивая данные по элементному составу образцов, можно отметить следующее: в образцах с красным-темно-красным пигментом преобладает Fe, а в образцах с розовым пигментом содержание Fe более низкое (в пределах 12-14%). Присутствия Si в образцах II культурного слоя (менее 11%), по сравнению с образцами IV слоя (в пределах 27%) является принципиальным различием. Набор и процентное содержание других элементов близки во всех образцах, за некоторыми исключениями (отсутствие Са в 5 образце и его незначительное содержание в образце 1 и 3 – слоя II, и значимое представительство кальция в образцах слоя IV).

Таким образом, в результате исследования были получены новые данные об элементном составе красных пигментов образцов памятника Костенки 14 (слои II и IV). Общие элементные характеристики также показывают принципиальное различие химического состава в образцах из II и IV культурного слоя, что очевидно говорит о различном культурно-хронологическом и историко-социальном контексте комплексов.

-
1. Праслов Н.Д., Галибин В.А. Палеолитические краски // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону: 1879-1979: Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. С. 257-259
 2. Сеницын А.А. Костенки 14 (Маркина гора) – опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11–GI-3). Замятинский сборник. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 40-59.
 3. Сеницын А.А., Хоффекер Дж.Ф., Сеницына Г.В., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Форман С., Очередной А.К., Бессуднов А.А., Миронов Д.С., Рейнолдс Б. Костенки-14 (Маркина гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 39–59.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Лбова Л. В.

**Анализ степени сохранности культурных отложений
с помощью трехмерной модели их распределения
(по материалам местонахождения Зактуй, южное Прибайкалье)**

Марченко Д. В.

Новосибирский государственный университет

В исследовании археологических памятников большую роль играет установление степени сохранности погребенных культурных отложений. Культурный слой, подвергшийся частичной диспозиции, может быть перспективен для исследования при условии определения и четкой локализации нарушений. С целью установления степени сохранности культурных слоев разновременного объекта Зактуй были построены модели распределения культурного и фаунистического материала.

Местонахождение Зактуй расположено в Тункинском районе Республики Бурятия (южное Прибайкалье) [Лбова, 2017]. Площадь памятника исследовалась сплошным вскрытием посредством разбивки сетки пикетов 5x5 м на площади более 2000 кв. м. В ходе исследования выявлено два культурных слоя эпохи голоцена (мощностью 0,15-0,35 м) и разрозненные материалы в плейстоценовых отложениях. Культурный слой 1 включен в литологический слой 3 (каштановые супеси) и выявлен на площади около 1025 кв. м. Отмечается внедрение позднего материала (нового/новейшего времени) в западном секторе. Находки представлены фрагментами керамики, каменными артефактами и фрагментами костей животных. По совокупности археологических материалов слой может быть датирован развитым/поздним бронзовым веком (12-13 – 7-8 вв. до н.э.). Культурный слой 2 включен в литологический слой 4 (рыжеватые и желтые супеси со следами пирогенеза) и распространён на площади около 625 кв. м. В целом, культурный слой предварительно оценен в пределах неолитического времени (средний-поздний неолит, 4-6 тыс. л. н.).

Анализ осуществлялся по данным пикетов 1-42, 66-85 сплошной площадью 1250 м. Пространственная модель формировалась в программе Surfer на основе базы данных, содержащей формализованное описание находок. По нивелировочным отметкам дневной поверхности также воссоздана её трехмерная модель. Эффективным инструментом для работы с относительно большой площадью оказался затененный рельеф, возможность построения которого обеспечивается той же программой.

Плотность находок на памятнике низкая. Для слоя 1 она составляет 0,7 единицы на 1 кв. м, для слоя 2 – 0,2 ед. Поверхность залегания материала в обоих слоях в целом совпадает с характером склона современной дневной поверхности. Наивысшей гипсометрической точки поверхность достигает

на площади п. 3-4. От этой точки в западном направлении уклон составляет 0,7 м на 25 м. В восточном направлении склон менее пологий: 1,5 м на 20 м. В этом направлении, начиная с линии пикетов 24-28, склон становится круче, находки в слое 1 – единичными. На остальной вскрытой площади находки слоя 1 распределены относительно равномерно, образуют читаемый в профиле горизонт. Анализ состава находок выявил наибольшую концентрацию каменных артефактов, представленных продуктами расщепления, на площади п. 81. Фрагменты керамики, являющиеся самым массовым материалом, встречаются практически на всей исследуемой площади. Наибольшее количество фрагментов керамики приходится на п. 74, 76, 71 и 17. Костные останки сосредоточены в основном в центральной и западной части раскопа.

Слой 2 зафиксирован фрагментарно. Единственная концентрация отмечается на площади п. 77, 80-81 и представлена скоплением отходов расщепления камня. В этой же части раскопа (п. 79-80) найдено наибольшее число фрагментов керамики. На остальной площади раскопа находки единичны и представлены в основном костями, сколами и фрагментами керамики. При раскопках отмечены кострища с мощностью прокала 12-15 см (п. 17, 24, 85) и многочисленные ямы, имеющие древнее антропогенное происхождение (п. 5, 10, 31, 40, 63/64 и др.)

По результатам проведенного анализа сделаны следующие выводы. Культурный слой 1, находящийся на глубине 15-20 см от современной дневной поверхности, заметно нарушен: находки не группируются в значительные скопления. На рельефе поверхности их залегания на площади пикетов 83,79,75,71,80,76 по продольной оси прослеживаются две относительно прямые параллельные линии, вдоль каждой из которых высотные отметки находок по одну и по другую стороны отличаются в среднем на 20 см. Эти же линии, в более сглаженном виде, читаются на рельефе дневной поверхности. Культурный слой 2 представлен немногочисленным материалом, основная группировка которого приходится на северо-западный сектор исследуемой площади. Отмечая общую для обоих слоев локализацию скопления продуктов расщепления в северо-восточной части п. 81, можно предположить, что материал слоя 1 на этом участке является продуктом переотложения нижележащего скопления. Окончательный вывод возможно будет сделать только на основании технико-типологического анализа артефактов.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №17-46-543011.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Лбова Л. В.

Зооморфная скульптура палеолитической стоянки Мальта: технологический аспект

Панкина А. И.

Новосибирский государственный университет

Уникальные находки коллекции палеолитической стоянки Мальта широко известны как в специальной, так и в популярной литературе. Среди объёмной скульптуры в большей степени опубликована орнитоморфная коллекция, обладающая в целом морфологическим и стилистическим единством, за исключением индивидуальных находок. Однако и другие зооморфные скульптуры, являются не менее яркими произведениями палеолитического искусства, обладают сходными чертами для всей пластики Мальты, и подтверждают существование на этой стоянке стабильной традиций косторезного искусства.

В работе рассматриваются четыре зооморфные статуэтки из бивня мамонта, которые можно классифицировать по виду: ихтиоморфные, герпетоморфные и млекопитающие (фонды Государственного Исторического музея, и Государственного Эрмитажа; технологические определения П.В. Волкова).

Ихтиоморфную скульптуру представляет один предмет: на плоском отщепе бивня мамонта выполнено одностороннее изображение довольно крупной рыбы, по контуру близкой к окуню. Изделие имеет хорошо выделенные головку, жаберную часть, туловище, хвостовую и боковые плавниковые зоны. Тело покрыто равномерным спиралевидным орнаментом, характерным для мальтинских пластин. Плавниковая зона представляет собой ряды перьев, сформированных резцом и подправленных резчиком по бортам и в углублениях.

К группе герпетоморфов отнесены стилизованные изображения змей, представленные двумя скульптурами. Оба изделия выполнены на стержневидных, удлинённых фрагментах бивня. Основным процессом формообразования является скобление. Спинку первого изделия покрывает линейный орнамент. Головка оформлена углублениями, выполненными сверлением проверткой, прорезан рот. На хвосте имеется отверстие, развальцованное строгальным ножом. С обеих сторон предмета видны следы заполировки от контакта с мягким органическим материалом.

Второе изделие имеет четкое деление на головку и основное тело, «уплощающийся стержень», обломанный на конце [1]. Скульптура покрыта полудунным орнаментом по всей поверхности спинки и частично на брюхе. Интерпретация исследователями этого изделия различна, некоторые считают этот предмет скульптурой змеи или стержнем.

Существует интересная интерпретация предмета как жезла с системой счета смены фаз Луны [2].

Группа теплокровных представлена фигуркой животного со спорным видовым определением. Данное изделие выполнено на заготовке типа бруска. У него отчетливо выделяются передние и задние лапы, крупный приподнятый зад, головка. Имеется С-образный орнамент на спине и боках, направленный углом вверх. Общее формообразование скульптуры выполнено за счет обработки поверхности скобелом. Также имеются следы резцы ножа и резца. Предмет был подвергнут реставрации, после чего произошла его деформация, в результате не хватает части задних лап, обломан хвост. Среди исследователей нет единого мнения, основные версии предполагают в определении изображение суслика [3], росомахи [4], выдры или сурка.

На основании анализа можно выделить некоторую закономерность связи вида животного и формы заготовки: плоские, объемные и стержневидные формы совпадают соответственно с ихтиоморфными, млекопитающими и герпетоморфными видами. Для производства изделий использовались разные наборы инструментов, и это исключает наличие случайности в производстве зооморфной пластики, так как мастер изначально понимал, какое изделие он изготовит. В целом производство зооморфной скульптуры стилистически однородно и характеризует стабильное производство, что подтверждается наличием черт, характерных для всего мобильного искусства Мальты: изделия частично стилизованы, имеют сглаженные и округлые формы, имеются отверстия и следы заполировки от контакта с мягким органическим материалом (кожей), что может служить основанием для предположения, что они были использованы как подвески, или элементы в связке.

-
1. Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. – Иркутск: Власть труда, 1931. – С. 25.
 2. Ларичев В. Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон / В. Е. Ларичев; отв. ред. В. И. Молодин; РАН, Сиб. отд-ние. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 109.
 3. Липнина Е. А., Медведев Г. И., Ощепкова Е. Б. и др. Мальтинское верхнепалеолитическое местонахождение // Каменный век Южного Приангарья. Бельский георхеологический район. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. – Т.П. – С. 78.
 4. Палеолит СССР / [З. А. Абрамова, М. В. Аникович, Н. О. Бадер и др.]; отв. ред. П. И. Борисковский; АН СССР, Ин-т археологии. – М.: Наука, 1984. – С. 329.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Лбова Л. В.

Палеолит Филиппинского архипелага: состояние изученности

Патрушева А. Е.

Новосибирский государственный университет

Крупнейшие острова Филиппинского архипелага – Лусон, Визаяс, Минданао, Палаван и Негрос – насыщены археологическими памятниками различных эпох: палеолит, неолит, палеометалл. Однако на сегодняшний день многие из них, в частности древнейшие памятники, остаются малоизученными и практически неизвестны российским специалистам.

Археология как наука на архипелаге сложилась относительно поздно и по причине отсутствия специализированных учреждений, местных исследователей, работа здесь производилась на начальном этапе американскими специалистами, чья деятельность привела к образованию и развитию научных центров. На сегодняшний день, в столице Филиппин – г. Манила – с начала XX в. работают два центра, занимающихся археологией: Национальный музей, где сосредоточены основные коллекции и Филиппинский университет, который проводит программу археологических исследований, результаты которых публикуются в различных периодических изданиях.

В целом, историю археологических исследований на Филиппинах можно разделить на два периода: с 1521 по 1950 гг. и начиная со второй половины XX в. по настоящее время. Первый период – это время пионерных работ, пробных обобщений, открытия первых специализированных учреждений. Исследованиями этих лет были получены и материалы каменного века, в основном в центральной части архипелага. Целенаправленное изучение наиболее перспективных областей на предмет обнаружения палеолитических памятников началось во второй период. Ключевыми фигурами археологии Филиппин стали Генри Бейер, Роберт Фокс и Вильгельм Солхейм II, являясь американскими антропологами, внесли большой вклад в становление и развитие науки, в частности работая на ключевых палеолитических памятниках, пытались решить вопросы хронологии каменного века, методологических подходов к изучению каменных орудий, а также проблемы заселения архипелага.

В 1962 г., в пещере Табон (о-в Палаван), Роберт Б. Фокс и Альфредо Евангелиста обнаружили антропологический материал: часть лобной кости и два фрагмента нижней челюсти. Он сопровождался кремневыми орудиями на отщепях с большим количеством скребков. Радиоуглеродный анализ и корреляция подобных орудийных комплексов свидетельствуют об использовании пещеры на протяжении длительного периода, примерно

между 30 500 и 9 000 л. н. Дальнейшее исследование пещеры в 2000 г. дало еще одиннадцать костных фрагментов, два из которых (правая часть нижней челюсти и большая берцовая кость) датированы в 24 000 и 58 000 лет назад. В 2007 г., в пещере Кальяо (о-в Лусон) Армандо Михарес также обнаружил древний антропологический материал – третья плюсовая кость, возраст которой был определен в $66\,700 \pm 1\,000$ лет назад. По результатам сравнительного анализа кость была отнесена к роду Номо [1, 2].

В промежутке между этими двумя важными событиями велись также и другие работы по исследованию палеолитических памятников, в частности, в пещерных комплексах островов Лусон и Палаван, поблизости от уже открытых пещер. В первом случае было обнаружено 43 пещеры с археологическими материалами, во втором – исследование пещеры Илье позволило получить подтверждения о длительности ее использования человеком, об охотничьей деятельности и о самом раннем, когда-либо зафиксированном, типе захоронения – кремация в плетеной емкости возрастом 9 500 – 9 000 лет назад.

Таким образом, наиболее значимыми открытиями в исследованиях палеолитических памятников Филиппинского архипелага стали пещеры Табон и Кальяо, последующие исследования пещерных комплексов, в которых они расположены, подтверждают концентрацию древнейших памятников в двух регионах: северная и центральная часть Лусона и остров Палаван. Большая же часть архипелага еще ждет исследований в этом направлении, а также в вопросах характеристики и периодизации каменного века в целом.

1. Dizon E., Détroit F., Sémah F., Falguères C., Hameau C., Ronquillo W., Cabanis E. Notes on the morphology and age of the Tabon Cave fossil *Homo sapiens* // *Current Anthropology*. V.43. N.S4. 2002.– P. 660–666.

2. Mijares A. S., Détroit F., Piper P., Grün R., Bellwood P., Aubert M., Champion G., Cuevas N., De Leon A., Dizon E. New evidence for a 67,000-year-old human presence at Callao Cave, Luzon, Philippines // *Journal of Human Evolution*. V.59. 2010. – P. 123–132.

Научный руководитель – д-р ист. наук Табарев А. В.

Мезолитические комплексы навеса Бадыноко (восточное Приэльбрусье)

Селецкий М. В.

Новосибирский государственный университет

Навес Бадыноко был открыт и исследован в 2004 г. отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством В.Н. Зенина, которым было выделено на памятнике 8 литологических слоев [1]. Нижние мезолитические слои 7 и 8 залегают *in situ*. В слое 7 насчитывается 2433 экз. каменных изделий, в коллекции слоя 8 – 122 экз. Для слоя 7 имеется серия радиоуглеродных датировок, согласно которым материал, заключенный здесь, может датироваться в пределах от 14 до 7 тыс. л. н. [2].

Проведенный технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода позволил дать детальную характеристику мезолитических комплексов навеса Бадыноко. Также было установлено, что по сырьевым стратегиям, стратегиям первичного расщепления, составу орудийного набора и характере использовавшейся вторичной обработки материалы навеса Бадыноко можно подразделить на три комплекса – нижний (слои 8, 7.5), средний (слои 7.4, 7.3) и верхний (7.2, 7.1).

В результате проведенного технико-типологического анализа каменной индустрии навеса Бадыноко было установлено, что её сырьевая база основана на двух типах сырья – кремне и обсидиане. При этом наблюдается динамика в использовании данного сырья, так в нижнем комплексе (слои 8, 7.5) отдавалось большее предпочтение обсидиану – 80%, 70% соответственно. В среднем комплексе (слои 7.4 и 7.3) сокращается доля обсидиана, так в горизонте 7.4 он составляет 68%, а в горизонте 7.3 – 52%. В верхнем культурном комплексе доля обсидиана значительно снижается и составляет в слое 7.2 – 24% и в слое 7.1 – 16%.

Схожая тенденция наблюдается и при рассмотрении орудийных коллекций. В нижних горизонтах в качестве заготовок для орудий в большей мере использовались обсидиановые сколы, постепенно вверх по разрезу возрастает доля кремневых орудий. Следовательно, результаты анализа демонстрируют то, что в индустрии происходило постепенная смена сырьевых стратегий – замещение обсидиана кремнем.

Первичное расщепление характеризуется применением объёмного принципа для получения пластинчатых сколов. При этом в нижнем слое 8 расщепление направлено на получение пластин и пластинок посредством ударной техники. В слое 7.5 отмечается применение отжимной техники для получения пластинок с объёмных ядрищ. В слоях 7.4 – 7.1 также

представлена отжимная техника при помощи которой получали заготовки в виде пластинок и микропластин с призматических нуклеусов [3].

Анализ орудийной коллекции мезолитических комплексов Бадыноко показал, что в нижнем культурном комплексе (слой 8 и 7.5.) широко представлены выемчатые орудия, также отмечается наличие скребков, резцов и перфораторов. В культурных горизонтах 7.4 и 7.3 широко представлены усеченные пластинки, пластинки с вентральной ретушью, геометрические микролиты в виде прямоугольников и трапеций, отмечаются единичные экземпляры сегментов и треугольников, помимо этого имеются микроскребки, перфораторы и выемчатые орудия. В верхнем культурном комплексе (слои 7.2 и 7.1) также распространены усеченные пластинки и микроскребки, отмечается наличие единичных экземпляров геометрических микролитов (трапеции, треугольники, сегменты), перфораторов, долотовидных изделий.

В качестве основного приема оформления орудий в нижнем комплексе (слой 8 и 7.5) выступает ретушь притупления, также отмечается стелющаяся дорсальная слабомодифицирующая ретушь. В культурных горизонтах 7.4, 7.3, 7.2 и 7.1 большая часть орудий оформлена при помощи приема усечения, ретуши притупления и вентральной ретуши.

Таким образом, данное исследование позволило дать полную технико-типологическую характеристику мезолитическим инструментам навеса Бадыноко, а также выделить и подробно охарактеризовать в них три комплекса.

-
1. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П., Керевов Б.М., Виндугов Х.Х. Бадыноко – новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 70–76.
 2. Зенин В.Н., Орлова Л.А. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. – Нальчик, 2006. – С. 54–57.
 3. Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Алишер кызы С. Техника скола при производстве пластинок и микропластин в мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам стоянки Бадыноко (сл. 7)) // Материалы LVI Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Чита: Изд-во Заб. гос. ун-та, 2015. – С. 56–57.

Научные руководители – д-р ист. наук, проф. Кривошапкин А. И.,
канд. ист. наук Шнайдер С. В.

Кошачий образ в мировоззрении кочевников

Абдигали Н. А.^{1,2} Айтбаев А. Б.¹, Адельчанов К. С.¹

¹Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,

²Национальный музей Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан

В докладе предлагаются результаты археологических исследований на комплексном могильнике Кырыкунгир, расположенном близ пос. Токтамыс батыр Абайского района Восточно-Казахстанской области.

В результате объединения и взаимодействия различных племен в начале I тыс. до н. э. на территории Казахстана, была основана структура племенного союза. [1, с. 10].

Среди артефактов найденных на могильнике Кырыкунгир особое внимание привлекает золотая бляшка из кургана 38. Она выполнена в зверинном стиле и имеет изображение кошачьего хищника. Она находит аналогии в исследуемых А. З. Бейсеновым памятниках Центрального Казахстана: Талды-2, Ашутасты, Ақбейт [2, с. 83]. Кроме того в качестве аналогий для анализа привнесены находки из памятников Аржан-2, Тегискен, Обские Плесы- 2, Кошпей-1 [3, с. 27].

Изображения кошачьих с памятника Талды-2 схожи с подобными находками могильника Тегискен, по исследованиям Артамонова относящиеся к роду хищников. Однако Артамонов трактует их как изображения лежащего льва или передвигающегося хищника [4, с. 21-22].

Изображения хищников с памятника Талды-2 не могут представлять львов, т.к. в сакском искусстве до этого времени образ этого животного встречался. Поскольку формирование зверинных образов и сюжетов с ними основано на местной фауне и флоре, нужно иметь ввиду, что на территории Центрального Казахстана природные условия не благоприятны для проживания здесь львов.

Судя по длине хвоста кошачьего хищника вполне возможно считать его барсом. Судя по особенностям технологии, композиции и сюжету можно говорить о высоком дизайнерском таланте древнего мастера. По мнению современных ювелиров, создатели этих бляшек, не имея ясного представления об этом звере, копировали его изображение с помощью штамповки. Хищник изображен на тонкой золотой фольге с хорошей проработкой элементов тела, с демонстрацией его гибкости и мощи. Если

мы внимательно осмотрим контуры изображения, то будет ясно, что перед нами снежный барс.

О датировке подобных образов на территории степей Евразии исчерпывающий анализ дал в своей работе К. В. Чугунов. По его мнению, если опираться на изобразительные особенности образов диких животных с памятников Аржан-2, Шиликты, Талды-2 и других, то способ передачи хвоста на изображении ошачьего хищника из могильника Кырыкунгир относится к концу 6-5 вв. до н.э. [5, с. 402].

Исследование останков лошади из кургана с усами в экспедиционном сезоне 2014 г., сведения по широкой распространенности образа кошачьего хищника в 5-4 вв. до н.э. и по имеющимся аналогиям для бронзового зеркала все 3 объекта могильника раннежелезного века Кырыкунгир можно датировать 5 вв. до н.э.

-
1. Умиткалиев У.У. Архитектура и семантика курганов раннего железного века // Методология, методика и практика инноваций. Интеграция российского и зарубежного опыта в экономике, проектном менеджменте, образовании, юриспруденции, языкознании, культурологии и др. 29-30 декабря 2014 года. г. Санкт-Петербург. СПб: Изд-во «КультИнформПресс», 2014. – С. 135-139.
 2. Бейсенов А.З, Джумабекова Г.С, Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – 168 с.
 3. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – 431 с.
 4. Артамонов М.И. Сокровище саков. М.: «Искусство», 1973. – 280 с.
 5. Чугунов К.В. Искусство раннесакского времени тывы и Казахстана: опыт сравнительного анализа и хронология. // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – 446 с.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Умиткалиев У. У.

Природно-ресурсный потенциал ареала распространения культуры Эрлитоу

Адегова О. И.

Новосибирский государственный университет

Ареал культуры Эрлитоу (1900 – 1500 гг. до н.э.) находится на Лоянской равнине. На севере равнина ограничена р. Хуанхэ и горами Маншань, на востоке и юго-востоке – горами Суншань, на западе – горами Сяошань, Сюньэршань и Фунюшань [Liu Li, 2006].

Высота равнины над уровнем моря понижается с запада на восток с 150 до 110 м. Между реками Ихэ и Лохэ есть низина, за ее пределами рельеф равнины постепенно повышается. Площадь равнины 1000 км² [Сюй Хун и др., 2005].

Реки Ихэ и Лохэ текут по равнине с юга-запада на северо-восток и перед впадением в Хуанхэ сливаются в одну реку – Илохэ. В II тыс. до н.э. городище Эрлитоу находилось на северном берегу р. Лохэ. Однако из-за строительства канала при династиях Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и Вэй (220 – 266 гг.) р. Лохэ сменила русло, теперь Эрлитоу находится на ее южном берегу. Также через равнину протекают рр. Чаньхэ, Цзяньхэ, Улохэ и Ганьгоухэ, которая пересохла в середине XX в. [Сюй Хун и др., 2005; Чэнь Синцань и др., 2003].

Лёссовые почвы Лоянской равнины плодородны благодаря своей рыхлой структуре, что способствовало развитию сельского хозяйства. Так, известно, что в Эрлитоу выращивали щетинник, могар и просо. [Liu Li et al., 2012; Чэнь Синцань и др., 2003].

Горы богаты ресурсами. Например, древесину и камень добывали в горах Маншань и Суншань. Металлы (медь, олово и свинец) добывали в горах Чжунтяошань. [Чэнь Синцань и др., 2003; Liu Li et al., 2012].

Городище Эрлитоу считается политическим и экономическим центром Лоянской равнины в II тыс. н.э., так как там был обнаружен дворцовый комплекс, окруженный стеной, и мастерские по производству изделий из бронзы, керамики, бирюзы и кости. К тому же это было самое большое поселение на Лоянской равнине того времени: площадь городища составляла 3000 кв. км. Об особом статусе Эрлитоу может говорить и то, что он расположен на возвышенности [Сюй Хун и др., 2005; Сюй Хун и др., 2004].

Населению Эрлитоу необходимо было сырье для строительства и ремесленного производства, которое добывалось не только около самого городища, но и вблизи других поселений. Например, Хуэйцзуй и Шаочай

были местами добычи известняка, а Дунсяфэн и Наньгуан – центрами добычи меди и олова. [Чэнь Синцань и др., 2003; Liu Li, 2006].

Обособленное положение Эрлитоу, а именно то, что Лоянская равнина была окружена горами, было благоприятным для целей обороны. Однако равнина не была полностью изолированной, так как по ней текло множество рек, которые связывали Эрлитоу с другими регионами. К тому же реки были средством транспортировки и в пределах самой обширной равнины. Товары, производившиеся в одной её части, могли быть доставлены в другую ее часть, что способствовало экономическому обмену между поселениями.

Так обширная площадь равнины, богатство этой территории природными ресурсами и развитая транспортная система способствовали появлению крупного политического и административного центра, а также связанных с ним локальных центров, которые разрастались за счет разработки определенных видов ресурсов.

У Эрлитоу был большой экономический потенциал, так как равнина и окружающие ее горы были богаты полезными ископаемыми. К тому же плодородные почвы Лоянской равнины способствовали развитию земледелия в Эрлитоу. Таким образом, ареал Эрлитоу был благоприятным с точки зрения обороны, транспорта и для развития сельского хозяйства и ремесла.

1. Сюй Хун, Чэнь Голян, Чжао Хайтао. Сюй Хун и др. Доклад об археологическом исследовании Лоянской равнины в провинции Хэнань в 2001 – 2003 гг. // Каогу. 2005. № 5. С. 18 – 37.

2. Сюй Хун, Чэнь Голян, Чжао Хайтао. Начальный этап исследования облика поселения Эрлитоу // Каогу. 2004. № 11. С. 23-31.

3. Чэнь Синцань, Лю Ли, Ли Жуньцюань, Генри Уайт (Henry White), Арлин Розен (Arlene Rosen). Процесс усложнения общества центра китайской цивилизации – исследование типов поселений в районе Илохэ // Каогу сюэбао. 2003. № 2. С. 161-218.

4. Liu Li. Urbanization in China: Erlitou and its hinterland // Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches, 2006. P. 161-189.

5. Liu Li, Chen Xingcan. The archaeology of China: from the late paleolithic to the early bronze age. Cambridge. Cambridge university press. 2012. 475 p.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Алкин С. В.

**Традиции и новации в бронзолитейном производстве
эпохи поздней бронзы и переходного времени в
Обь-Иртышском междуречье**

Бобин Д. Н.

Новосибирский государственный педагогический университет

Цветная металлообработка древних племен Обь-Иртышского междуречья прошла длительный путь развития и в поздний бронзовый период предстает уже как сформировавшаяся довольно сложная структура. В это же время происходит активизация миграционных процессов и как следствие усиление межкультурных взаимодействий. Приход новых групп населения стимулировал новации в культуре коренных жителей [1].

В процессе работы нами проанализирован керамический и каменный инвентарь, применяемый в цветной металлообработке, а также коллекция бронзовых изделий с памятников эпохи поздней бронзы (Милованово-3, Заречное-3, Красный Яр-1, Куделька-2, Ирмень-1) и переходного периода (Чича-1, Березовый остров-1, Линево-1, Омь-1, Туруновка-4, Ближние Елбаны-1).

На основе полученного материала можно говорить о довольно развитой технологии литья цветных металлов в автохтонной ирменской культуре. Однако, исходя из анализа бронзолитейных участков и характеристик инвентаря, производились изделия в домашних условиях для удовлетворения потребностей небольшой группы людей. На основе анализа источников выделены следующие традиционные черты бронзолитейного производства ирменцев:

1. модельная формовка, которая проводилась на подмодельной плите;
2. использование в качестве моделей готовых изделий со следами длительного использования;
3. простая литниковая система в виде вертикального канала;
4. использование в качестве плавильных сосудов бытовой керамики а также специализированных тиглей№

В переходный период от бронзового века к железному сохраняются традиционные черты производства бронзовых изделий и одновременно прослеживается значительное инокультурное влияние, которое можно проследить по морфологическим признакам и ряду новых орудий литейщиков. На памятниках данного периода зафиксированы крупные бронзолитейные участки, со следами серийного производства, что в свою очередь позволяет говорить о появлении специализированного

производства. Анализ источников показал следующие отличительные от предыдущего периода черты:

1. Изготовление литейных форм без подмодельной плиты
2. Использование новых приемов крепления створок литейных форм
3. Применение каменных и керамических кассетных форм
4. Увеличение объемов плавильной посуды
5. Появление нового типа цилиндрических тиглей.
6. Усложнение конструкций теплотехнических сооружений (появление заглубленных в землю восьмеркообразные печи).

На памятниках переходного периода также фиксируется смешение местных автохтонных и пришлых традиций и образование новых технологических стандартов.

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы: в переходное время количество выплавляемых бронзовых изделий достигает своего пика (в последующие эпохи выплавка бронзовых изделий будет сокращаться), появляются новые типы отливаемых орудий, специализированные бронзолитейные мастерские позволяющие удовлетворять потребностям не только одной семьи, но и больших поселков, значительно расширяется профессиональная оснастка литейщиков. Происходит синтез двух вышеописанных традиций. Появившиеся в это время технологические решения, сохраняются и в последующие эпохи.

1. Ковалевский С.А. К вопросу о происхождении ирменского предметного комплекса (по материалам погребально поминальных памятников Юга Западной Сибири)// Известия Алтайского государственного университета. Барнаул. Выпуск №4-1. 2010.

2. Мыльников Л.Н., Дураков И.А. Технология изготовления бронзовых изделий с могильника Танай 7 // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Том VII Новосибирск 2001г.

3. Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Производственная площадка поселения Березовый Остров 1 // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Том XII Новосибирск 2006 г.

4. Молодин В.И. и др. Чича- городище переходного от бронзового века к железному время в Барабинской лесостепи. Новосибирск- Берлин: ИАЭТ СО РАН, 2009 Т 3.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Дураков И. А.

Состав керамики бронзового века Якутии

Габышев А. С.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Бронзовый век Якутии в источниковом плане, главным образом, представлен керамическим материалом. Что касается каменного инвентаря, то он не столь многообразен, как керамика. Более того, В. И. Эртюков считает, что каменный инвентарь усть-мильской культуры полностью идентичен предшествовавшей ей ымыяхтахской культуре, что затрудняет культурную идентификацию на основе изучения только каменного инвентаря. Действительно, в каменном инвентаре позднего неолита и бронзового века много общего, хотя, усть-мильский комплекс отличается явно бедным инвентарём и упрощённостью техники обработки орудий [1]. Исследователи отмечают, что орнамент на бронзовых изделиях находит аналогии в орнаментике ымыяхтахской керамики и костяных изделий. Именно поэтому, изучение технологии изготовления и состава керамики очень важно для всей археологии древнего гончарства. Но нужно отметить крайнюю неравномерность изысканий данного рода при дефиците материалов, необходимых для проведения исследования.

Усть-мильская керамика изготавливалась выколачиванием с помощью лопаточки-колотушки с вафельным рельефом. На раннем этапе изготавливалась двухслойная керамика, а позже однослойная, тонкостенная, толщиной в 0,3–0,4 см. В глиняное тесто на раннем этапе примешивались растительные остатки, а в более поздний этап бронзового века у тонкостенных сосудов тесто плотное без примесей [1]. В керамическом комплексе усть-мильской культуры, основой которого являются сосуды с налепными валиками, можно выделить в отдельный тип, так называемую, улахан-сегеленняхскую керамику, украшенную «жемчужинами», вдавлениями и штампами, и сохранившую в себе многие характерные традиции позднего неолита, включая, примесь травы в тесте [2]. Эртюков, также, отмечал, что «жемчужная» керамика не была зафиксирована в чистых слоях эпохи бронзы и, вследствие этого, её причисление к усть-мильской культуре пока условно. Керамика, найденная в культурном слое VII стоянки Улахан-Сегеленнях двухслойная, по-видимому, за счет послышной формовки, когда на почти готовый сосуд налеплялись дополнительные пласты глиняного теста, которые, также, тщательно выколачивались лопаточкой. Высота сосудов приблизительно 20–30 см. Толщина стенок 0,2–0,8 см, в среднем 0,3–0,5 см [4].

Более информативные сведения о составе керамики бронзового века Якутии были собраны С. А. Федосеевой со 2-го слоя стоянки Белькачи I.

Ею были выделены три типа керамики, различающиеся по толщине и орнаментике. В состав теста тонкостенных сосудов (0,1-0,4 см) входило 63% глины и 37% мелкозернистого песка; среднестенные сосуды (0,4-0,7 см) содержали от 63-77% глины и от 27-33% мелко- или среднезернистого песка, а также единичные обломки шамота; третий тип сосудов с прочерченным орнаментом толщиной 0,4 см содержало 67% глины и 33% мелкозернистого песка [3]. В 1975 году в районе с. Капитоновка в северной части долины Туймаада ПАЭ была открыта стоянка Инвалидная где было найдено 9 фрагментов керамики толщиной 0,6 см относящихся к эпохе бронзы. Цвет найденной керамики был коричневато-чёрный, тесто хорошо отмучено и содержало примесь мелкообломочного материала и отсортированного песка. В начале 2000-х гг. для определения состава керамики, найденной в долине Туймаада за период 1996-2000 гг. было привлечено 846 фрагментов и 25 сосудов. В итоге, во всех 846 фрагментах керамики был обнаружен песок разного типа, дресва – в 142, шерсть – в 27, трава – в 24, шамот – в 12, мелкая галька – в 1. Подборка по числу сосудов показала, что в составе глиняного теста 25 сосудов был песок, 12 - дресва, 8 – шерсть, 8 – трава, 3 – шамот, 1–мелкая галька [3].

Итак, главными компонентами керамики эпохи бронзы Якутии были глина, песок, шерсть, трава, дресва, шамот и реже мелкая галька. Песок, породные обломки и шамот играли здесь роль минеральных добавок, а шерсть и трава, следовательно – органических. На территории Центральной Якутии преобладал следующий способ изготовления сосудов – глина – минеральные добавки (песок, шамот), пример которого был представлен выше. Анализ состава усть-мильской керамики также показал фактическую идентичность с керамикой позднего неолита, представленной ымыяхтахской культурой, что подтверждает генетическую связь двух этих археологических культур.

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

2. Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – №3.

3. Дьяконов В.М., Эртюков И.В. Анализ орнамента и состава керамики бронзового века долины Туймаады // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001.

4. Дьяконов В.М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №4.

Научный руководитель – Пестерева К. А.

Этнокультурные контакты населения Северо-Западного Алтая в эпоху раннего железного века

Данилова О. С.

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Культурное взаимодействие является неотъемлемой частью существования любых культур, особенно тех, которые находятся в переходных зонах. Северо-Западный Алтай веером снижающихся хребтов проникает далеко на запад, образуя широкую полосу предгорий, в природных условиях которых нашли отражение и равнинные, и горные черты. Население этой территории в эпоху раннего железного века входило в ареал распространения пазырыкской культуры, испытывая мощное воздействие культурных традиций горно-алтайских племен. Однако оно, вероятно, вступало в контакты и с носителями других археологических культур.

Основная масса археологических памятников эпохи раннего железного века на территории Северо-Западного Алтая имеет классические пазырыкские черты. К ним относятся: расположение курганов в цепочках и микроцепочках; плоская сферическая насыпь, которая имела внутреннюю и внешнюю каменную выкладку – крепиду; положение погребенного в скорченном положении головой на восток; характерный погребальный инвентарь [1]. Влияние культур степных районов прослеживается в ориентации и положении погребенных. В памятниках раннего железного века Северо-Западного Алтая преобладающей является восточная ориентация, однако встречаются курганы и с западной ориентацией (курганы №№13, 17 могильника Чинета-II). При этом, положение в могиле также отличается от «классического» - вытянутое положение (курганы №№13, 17 могильника Чинета-II). Важно отметить, что крепида встречается не во всех курганах, больше всего курганов с крепидой зафиксировано на могильнике Ханкаринский дол, который характеризуется «классическими» пазырыкскими чертами. На могильнике Чинета-II мы не можем этого отметить, наоборот курганы с крепидой здесь встречаются крайне редко (курган №26).

Относительно погребального инвентаря отметим, что наряду с «классическими» элементами инвентаря встречаются предметы не характерные для пазырыкской культуры. В кургане №29 могильника Чинета-II был найден железный боевой кинжал в деревянных ножнах, не характерный для памятников пазырыкской культуры. В большей степени аналогичные изделия известны в курганах каменской культуры Верхнего Приобья. Так, почти все кинжалы Новотроицкого некрополя имели

деревянные ножны, что свидетельствует о сильном сакском влиянии [2]. Интересно, что курган №29 расположен в крайней северной части могильника Чинета-II, вдали от других объектов.

В кургане №21 этого некрополя была обнаружена золотая серьга с подвесками. Исследователями были проведены аналогии с культурами Южного Приуралья, а также морфологически близкие изделия были обнаружены в памятниках различных культур скифо-сибирского мира. Кроме того, исследователи указывают на то, что подобные серьги имеют параллель в ювелирной традиции Малой Азии – в изделиях ахеменидского круга. В курганах №№21 и 31 могильника Чинета-II были найдены импортные деревянные китайские чашечки, покрытые красным лаком. Чаще всего китайские лаковые изделия встречаются в крупных элитных курганах скифо-сакского периода на Алтае. Все китайские изделия, найденные в этих курганах, выполнены с использованием традиционных китайских материалов и технологий. Возможно, что найденные лаковые изделия при исследовании различных могильников скифо-сакского периода на Алтае (Пазырык, Туэкта, Бугры-II, Чинета-II) поступали к кочевникам из одной зоны лакового производства древнего Китая VI–IV вв. до н.э. [3].

Таким образом, материалы раскопок последних лет показывают, что население Северо-Западного Алтая имело обширные культурные связи с населением Горного и степного Алтая, а также, возможно, более отдаленных территорий Центральной Азии.

-
1. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул. 2003. С. 102-107.
 2. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 148–149.
 3. Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 11-18.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Демин М. А.

Новый памятник поздней бронзы в казахстанском Прииртышье

Жанпеисов Б. О.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

Первобытная эпоха Центрального Казахстана представлена погребальными памятниками, образующими могильники с разновременными сооружениями – на одном могильном поле могут находиться насыпи бронзового и раннежелезного веков, каменные оградки, цисты бронзового века, курганы с «усами» и сырцовые оградки средневековой эпохи.

Памятник Кырыкунгир расположен в двух километрах севернее с. Токтамыс Абайского района Восточно-Казахстанской области. Занимает береговую террасу левого берега р. Шаган – левого притока р. Иртыш, на возвышенном плато (1200 x 200 м). Цепочки надмогильных сооружений тянутся по линии север-юг. С запада плато ограничивается грядой мелких сопок. Отметки высот 620–630 м. Поверхность плато почти ровная, изборождена поперечными мелкими ложбинами, образованными стоками весенних вод, стекающими с сопок в сторону речки Шаган.

Внимание привлекают высокие царские курганы. На протяжении 1200 м зафиксировано около ста надмогильных конструкции от бронзового века до позднего средневековья. С севера и юга пространство памятника ограничено двумя казахскими зиратами.

Такая концентрация древних погребальных сооружений связана с благоприятными природно-географическими условиями. Длина реки Шаган – 295 км; площадь бассейна 25,4 тыс. км². Река течет в пределах Казахского мелкосопочника [1].

Могильник Кырыкунгир исследуется Чингистауской комплексной археолого-этнографической экспедицией под руководством У.У. Умиткалиева. В 2015–2016 гг. на памятнике проведены раскопки погребальных сооружений разных археологических эпох. На основе полученных результатов можно утверждать, что формирование могильника началось с полосы надпойменной террасы. Здесь сконцентрированы оградки бронзового века. На современной поверхности они практически не выделяются.

Это круглые оградки из вертикально вкопанных плит гранита темно-вишневого и коричневого цветов. Оградки небольшие по размеру в центре, как правило, каменные ящики. Стены могил оформлены тонкими плитами гранита, средняя глубина ящиков – 80 см. Каменные плиты выступают над

материком примерно на 10 см. Каменные ящики перекрыты сверху тонкими плитами.

В конструкции оградок бронзового века видны перепланировки, раздвижение размеров оградок и пристраивание новых каменных ящиков. Иногда меняется цвет каменных плит. С накоплением материала можно будет судить о причинах этих перестроек. Каменные оградки, отдельные ящики примыкают друг к другу. Между ними нет свободного пространства. Они как соты разветвляются друг от друга.

Здесь же в нижней части плато возведены курганы раннего железного века. Они разные по размерам, насыпи сложены из камня и окружены по основанию каменными кольцами. Курганы хорошо задернованы. На этих надпойменных площадках зафиксированы скопления надмогильных сооружений средневековой эпохи в виде сырцовых построек прямоугольной формы и каменные наброски. Размеры наземной части набросок колеблются от 1,5 до 2,4 м, высота 0,3 м.

Крупные царские курганы раннего железного века занимают высокие точки плато. Один из самых больших курганов находится на южной окраине могильника. Он имеет диаметр насыпи 34 м, высоту – 3 м. Насыпь окружена каменным валом и внешним рвом шириной около 3 м, глубиной 0,3 м. Курган хорошо задернован, на вершине проступают камни облицовки. Вокруг насыпи видны сооружения ритуального характера. С южной и западной сторон на расстоянии 14-15 м от рва хорошо видны каменные глыбы, возвышающиеся на высоту 0,1-0,15 м. Севернее и восточнее насыпи зафиксированы небольшие каменные курганы тасмолинской культуры диаметром 6-8 м, высотой 0,3-0,5 м.

Наиболее яркими объектами археологического комплекса являются каменные сооружения квадратной формы. Они расположены на верхних уровнях коренной террасы. Всего их насчитывается восемь, они тянутся по линии север-юг. Как выяснилось в процессе раскопок это объекты поздней бронзы и представляют собой один из вариантов надмогильных конструкции бегазы-дандыбаевской культуры [2, 3].

В полевом сезоне 2016 г. на памятнике раскопаны курганы раннего железного века и начато исследование погребального сооружения поздней бронзы.

1. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаган_\(приток_Иртыша\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаган_(приток_Иртыша))

2. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники Бегазы-Дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с.

3. Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Хабдулина М. К.

Реконструкция костюма жителей андроновской культуры: историографический аспект

Ивахненко Л. Н.

Новосибирский государственный университет

Костюм наиболее общее понятие, включающее все способы изменения внешнего облика человека и создания определенного образа в культуре данной эпохи. В самом общем понимании это может быть татуировка, раскраска кожи, звериные шкуры и предметы одежды, которые объединены общим замыслом. В понятие костюм входит одежда, обувь, прическа, головной убор, перчатки, украшения, грим [8].

Реконструкция костюма важна для представления визуального образа, социального положения человека, и выявления сакральных свойств костюма. Основным источником для восстановления служит предметное содержание погребений.

Доклад посвящен историографическому обзору работ, касающихся изучения костюма андроновской культуры, с целью рассмотрения примеров реконструкции и степени изученности проблемы на материалах Западной Сибири и, конкретно, Барабинской лесостепи.

На данном этапе в андроноведении тема костюма насчитывает не так много работ. В основном, они посвящены украшениям и их частичной реконструкции [1; 2; 3]. Важной представляется диссертационная работа Умеренковой О.В. «Украшения эпохи бронзы Западной Сибири» [5], где представлено, в частности, описание украшений носителей андроновской (федоровской) культуры и составляющих их элементов. В работе подробно характеризуются украшения, основываясь на материалах памятника Кузнецкой котловины, но она не дает полного представления о внешнем облике человека.

В монографии Е.Е. Кузьминой, в разделе "Изготовление одежды, костюм", охарактеризована обобщенная модель андроновского костюма[4]. Монография Е.Р. Усмановой «Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции» [7] на сегодняшний день является единственной работой, посвященной полной реконструкции костюма андроновской культуры. Реконструкция была проведена, основываясь на материалах погребального обряда, с целью выявления этнографических особенностей эпохи бронзы Восточной Евразии.

Что же касается костюма андроновской культуры эпохи бронзы Западной Сибири, нет конкретных работ, посвященных его реконструкции, а значит остается загадкой не только внешний облик

носителей андроновской культуры, но и "культурные" особенности костюма.

Работы, посвященные украшениям, найденным в погребальных комплексах Западной Сибири, могут дать подсказку для детальной реконструкции костюма, а, опираясь на исследования, посвященные костюму андроновской культуры других регионов Евразии [5; 6], выявить его этнографические особенности.

1. Запрудский С.С. Украшения андроновской культуры Обь - Иртышского междуречья. Автореф...дис. канд. ист. наук. – Б., – 2011. – 23 С.
2. Кирюшин Ю.Ф. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов): учеб. пособие // Ю. Ф. Кирюшин, Д. В. Папин, О. А. Федорук; АлтГУ, Ин-т археологии и этнографии СО РАН. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 108 с.
3. Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Демин М.А., Ситников С.М., Кузменкин Д.В. Украшения из раковин моллюсков *Corbicula* и *Glycymeris* в погребениях андроновской культуры грунтового могильника Чекановский Лог-10//Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4. – С.104 – 108
4. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии?: материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев.— М.: Изд-во Наука, 1994. — 464 с.
5. Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы .как «текст» (по материалам некрополей южного Зауралья и Казахстана). –Челябинск: Изд-во Авто Граф, 2008. – 244 с.
6. Умеренкова О.В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири (археологический и историографический аспекты): Автореф...дис. канд.ист.наук. – Кемерово, 2011. – 22 с.
7. Усманова Е.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. – Караганда: Изд-во ТАиС, 2010. —176 с.
8. Шипилова Е.А. Генезис и семантика понятий «костюм» и «одежда» в культуре//Аналитика культурологи. – 2015 – №4 – С. 134 – 137

Научный руководитель – д-р ист. наук Мыльникова Л. Н.

Пахомовские памятники на территории Верхнего Приобья

Кравченко И. А.

Новосибирский государственный педагогический университет

С момента выделения пахомовской археологической культуры прошло 30 лет. За это время о ней был накоплен значительный фактический материал, вышел целый ряд обобщающих работ таких авторов как О.Н. Карачкова, А.В. Матвеев, В.М. Костомаров, В.И. Молодин и др. Изучены памятники пахомовских древностей в Тоболо-Иртышском междуречье. Однако исследование данной проблематики далеко от завершения. В связи с открытием в последнее десятилетие ряда пахомовских памятников в Центральной Барабе (Старый Сад, Тартас-1, Гришкина Заимка, Абрамово-4, Ложка-6), В.И. Молодиным Л.Н. Мыльниковой и Д.В. Селиным был поставлен вопрос о продвижении носителей пахомовской культуры на восток и выделении «восточного варианта пахомовской культуры».

Следует отметить что по всей видимости восточная волна пахомовской миграции не ограничивается Барабинской лесостепью и видимо достигает территории Приобья. На эту мысль наталкивает анализ материалов могильника Крахоловка-13. Этот разновременный памятник, был открыт в 1975 г. В.И. Молодиным и исследовался в 1985 и 1988 Т.Н. Троицкой, в 1989 – А.А. Адамовым и в 1990 г. - В.С. Елагиным.

В культурном слое раскопа 1985 г. Т.Н. Троицкой обнаружена позднебронзовая керамика имеющая, по её мнению, сходство с керамикой Преображенки-3 соотнесенной В.И. Молодиным с бегазо-дандыбаевской культурой.

В отчете Адамова А.А. за 1989 г. погребения №2, №8, №9 из кургана №9 отнесены к эпохе поздней бронзы без определения принадлежности захоронений к какой-либо конкретной археологической культуре [1].

В 1990 г. Т.Н. Троицкая отнесла к эпохе поздней бронзы ряд ям из раскопа №1 и погребения из кургана №1, отметив сходство их керамического комплекса с материалами могильника Старый Сад [2]. Таким образом целый ряд объектов (ям, могил и местонахождений) памятника Крахалёвка-13 соотносятся с материалами в настоящее время интерпретируемые как пахомовские. Следует отметить что на памятнике Крахоловка-13 в одних комплексах прослеживается сочетание пахомовских и ирменских сосудов. Сосуществование ирменской и пахомовской керамики отмечено и на памятниках восточного варианта Центральной Барабы (Тартас-1).

Всего к этой культуре можно отнести 5 погребений и 11 кенотафов содержащих 24 сосуда, из них 9 целые, 3 – археологически целые, остальные в обломках. Все объекты (раскоп №1, курганы №1, №2, №8, №9) содержащие пахомовские погребения расположены компактной группой на краю надпойменной террасы р. Чик в западной части памятника. Фиксируется два варианта погребений. Первый предполагает захоронение умершего в неглубоких ямах или на поверхности материка в скорченном положении на боку головой на Ю или Ю-З.

Второй представляет собой кенотафы в виде скоплений сосудов в ямах или на поверхности погребённой почвы. Такой погребальный обряд широко представлен на пахомовских памятниках Барабы и встречается на могильниках Абрамово-4 и Тартас-1 [3].

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: в период поздней бронзы (VIII - VII в до н.э.) происходит значительные перемещения носителей пахомовской культуры на восток на территорию Барабы и далее до р. Оби. Наиболее восточным из выявленных в настоящее время памятников является могильник Крахоловка-13. Он видимо маркирует границу максимального проникновения пахомовцев в восточном направлении. Характер миграции видимо не носил массового характера и представлял собой продвижение небольших групп, внедряющихся в местную ирменскую культурную среду, вследствие чего на большинстве памятников восточного варианта культуры присутствует ирменская керамика.

-
1. Адамов А.А. Археологические исследования в Новосибирском Приобье в 1989 году. 1990. Архив Многопрофильного музея НГПУ.
 2. Троицкая Т.Н., Софеев О.В. Памятник Крохоловка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1990.– С. 63-72.
 3. Троицкая Т.Н., Сумин В.А., Адамов А.А. Древности Кудряшовского Бора: Крохоловка-13 – комплекс археологических памятников. – Новосибирск: Ярус, 2012. – 76 с.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Дураков И. А.

Классификация основных образов в искусстве пазырыкской культуры

Крымская И. С.

Новосибирский государственный педагогический университет

Пазырыкская культура Горного Алтая славится относительно хорошей сохранностью вещественных археологических источников. Значительную роль при изучении данной культуры играют предметы искусства, которые дошли до нас в многообразии материалов: дерево, металл, кожа, войлок, ткань.

Все предметы искусства выполнены в характерном скифо-сибирском зверином стиле – основном компоненте скифской триады. Обусловлено это представлениями о строении мира, которые выражались через мифы. Все звериные образы можно разделить на две большие группы – фантастические животные и обычные.

Для алтайского искусства характерно изображение грифонов, которые могли представлять собой несколько вариантов совмещения узнаваемых элементов образа различных животных (помесь орла и льва, орла и волка, орла и копытного, ушастый и с хохолком и гребнем гриф). До конца не ясна причина изображения алтайскими мастерами грифона в сочетании с несвойственными для данной местности животными (драконообразный и собакоподобный грифоны). Вероятно, это продиктовано традициями, пришедшими на Алтай из Средней Азии. Грифон алтайского происхождения – птица с большими ушами, гребнем и хохолком. Его образ встречается в курганах Пазырыка, Уландрыка и Юстыда. В.Д. Кубарев объясняет такое сочетание волчьих ушей и головы грифа тем, что обоим этим животным приписывали одинаковую предназначенность – поедание падали [1]. Таким образом, ушастый алтайский грифон символизировал смерть и потусторонний мир.

Классифицировать образы нефантастических животных можно с точки зрения принадлежности семейству, виду, породе животного.

Наиболее часто встречающимся образом пазырыкского искусства является лошадь. Натурой для их изображения служили лошади двух пород – степная «монголка» и высокопородистая среднеазиатская. Первая группа наиболее распространена не только в искусстве, но и в сопроводительных захоронениях. В изображениях лошадей прослеживаются два основных образа: в качестве жертва (статичное изображение в жертвенной позе, или в качестве элемента сцены терзания) и в качестве солярного символа.

Конь играл ведущую роль при жертвоприношениях, поэтому часто был изображен лежащим, с подогнутыми ногами, с отверстием от прокалывания между ушами. Так же конь, как и другие копытные, в сценах терзания изображался несопротивляющимся терзаемым животным. Это можно объяснить его жертвенической ролью. Фигурки коня, обернутые золотом и имеющие гребневидное основание в виде луны, позволяют задуматься о коне как символе солнца.

Второе по встречаемости изображение пазырыкского искусства – образ хищной птицы (орла?) – символе солнца и неба. Можно выделить два варианта использования образа орла – в качестве самостоятельной фигуры в виде хищной птицы с распростёртыми крыльями и в качестве составного элемента сложных композиций. В зависимости от этого можно было наблюдать орла в качестве украшений головных уборов кочевников, а грифа в качестве украшений конской упряжи и оружия, символизирующего смерть.

В Чиликтинском могильнике, Ак-Алахе 1, Пазырыке, Уландрыке-4 встречаются изображения рыб (налим). Этот образ видимо был занесен на Алтай из других областей распространения скифской культуры. Рыбы изображались как в виде самостоятельных фигур или частей фигуры, которым отводилась активная роль (рыба с головой барана во рту из 1-ого Пазырыкского кургана), так и пассивными участниками сцен терзания (извивающаяся рыба во рту льва из кургана 3 могильника Уландрык 4). Так как у пазырыкцев образ рыбы в общей композиции занимал нижнюю часть, можно сделать вывод, что ей приписывали свойства хтонического характера [2].

Таким образом, можно провести общую классификацию с точки зрения наделения существ определенными семантическими свойствами. Символами солнца и неба могли выступать лошади и орлы; символами смерти и загробного мира – волки, грифы, алтайские ушастые грифоны, козероги, рыбы; жертвы скифским богам символизировали кони, грифоны или обычные хищники с головами других животных (чаще всего копытных) во рту.

1. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука. 1991. – С. 158-159.

2. Полосьмак Н. В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма. – С. 91-93.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Дураков И. А.

Разведочные работы 2016 года в Ерейментауском горном массиве

Кучеров П. Ю.

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва,
г. Астана, Казахстан

В июле 2016 года сотрудниками НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева были проведены разведочные работы в Ерейментауском районе Акмолинской области. Ерейментауский район занимает площадь 17,8 тыс. кв. м. Административным центром является город Ерейментау. Целью проведения разведки был поиск поселенческих памятников в Ерейментауском горном массиве, а также расширение археологической базы данного района.

За период проведения разведочных работ было обследовано 15 памятников, в состав которых входят 8 зимовок, 5 поселений и 2 могильника. Ко всем найденным объектам были определены географические координаты. Ниже приведены наиболее крупные из обнаруженных объектов.

Поселение-зимовка Карагайлы 1. $51^{\circ}42'542''$ с.ш. $072^{\circ}40'491''$ в.д. Поселение расположено в 2,5 км южнее поселка Карагайлы (бывш. Стаханово). Имеет размеры 14x26 м, в пределах которого насчитывается 7 западин квадратной формы размерами 4x4 м, а также внутренний двор размером 17x15 м. Комнаты соединены между собой коридором. Фундамент поселения сложен из камней.

Зимовка Карагайлы 2. Расположено в 35 м от зимовки Карагайлы 1. Представляет собой строение из каменной выкладки. Имеет размеры 35x23 м. На поселении зафиксировано 13 западин с внутренним двором. С юго-западной стороны к поселению примыкают акведук и колодец размером 1,9x2,2 м.

Зимовка Карагайлы 3. Расположено в 38 м от поселения Карагайлы 2. Четко прослеживается фундамент из камня. Поселение имеет размеры 15x40 м, ориентировано по направлению СВ-ЮЗ. С северо-восточной стороны строения обнаружено каменное изваяние размерами 1,3x0,4 м. На изваянии видны контуры лица, характерные для изображений сакского времени: лицо овальной формы, с глазницами и ртом, очень четко видно начало шеи. Изваяние сломанное, поваленное на землю.

Зимовка Карагайлы 4. Расположено в 35 м от поселения Карагайлы 3, имеет размеры 45x15 м. Фундамент сложен из выкладки двух рядов камней. На поселении насчитывается 8 западин. Имеется внутренний двор размером 12x12 м с разделенными помещениями.

Зимовка Жиенкул. $51^{\circ}35'842''$ с.ш. $073^{\circ}13'686''$ в.д. Зимовка расположена в 8 км к ЮВ от Ерейментау. Объект ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Всего насчитывается 10 строений. В 100 м к востоку от зимовки расположен котлован. На территории зимовки среди подъемного материала было найдено каменное рубило, которое, предположительно, могло быть распространено в период энеолита-раннего бронзового века.

Зимовка Кызыл-Ту. $51^{\circ}53'749''$ с.ш. $072^{\circ}35'568''$ в.д. Зимовка расположена на правом берегу реки Селеты, недалеко от места впадения в нее реки Кедей, в 4,5 км к северу от с.Кызыл-Ту. Зимовка имеет 2 входа с восточной и западной сторон. Размеры зимовки составляют 27x15 м. Фундамент сложен из каменной выкладки, состоит из двух рядов. Всего на зимовке насчитывается 8 западин и коридорообразный тамбур. В 25 м к северо-востоку от зимовки располагается усадьба Кызыл-Ту 1. Имеет размеры 30x15 м. Вход в помещение расположен с северо-востока.

Зимовка Кызыл-Ту 2. Расположена в 42 м от зимовки Кызыл-Ту. Ее размеры 35x19 м. Вход в помещение расположен с восточной стороны. На территории зимовки имеется 6 западин, внутренний двор размерами 16x12 м, который примыкает к зимовке.

Зимовка Кызыл-Ту 3. Расположена в 54 м от зимовки Кызыл-Ту 2. Имеет размеры 30x15 м. Более ранняя зимовка из всего ряда зимовок Кызыл-Ту, т.к. плохо прослеживается фундамент стен. Вход в помещение расположен с западной стороны. Всего прослеживаются 5 западин, коридорообразный тамбур.

Зимовка Кызыл-Ту 4. Расположена в 86 м от зимовки Кызыл-Ту 3. Имеет размеры 35x17 м. В зимовку было 2 входа - с северо-восточной и западной сторон. Северо-восточный вход Г-образной формы. Фундамент выложен из 2 рядов камней. В 300 м расположен казахский зират.

Могильник Ельтай. $51^{\circ}27'854''$ с.ш. $072^{\circ}57'186''$ в.д. Памятник расположен в 6 км от с. Ельтай. В могильник входят 8 оградок эпохи бронзы: кольцеобразные и прямоугольные каменные ящики (цисты), вертикально поставленные на ребро. Также в могильнике насчитывается 7 соединенных между собой позднесредневековых погребальных конструкций.

Данные проведенной разведки увеличивают список археологических памятников Акмолинской области. Их исследование способствует углублению знаний о поселенческих комплексах Северного и Центрального Казахстана.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Хабдулина М. К.

**Техника микронуклеуса эпохи ранней бронзы
таежного Забайкалья
(по материалам поселения Усть-Менза 2)**

Маслодудо С. В.

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Эпоха ранней бронзы в таежной зоне Забайкалья датируется XVIII-VIII веками до н.э. Она представлена рядом береговых поселений, среди которых наиболее изученным является Усть-Менза 2, расположенное у впадения Мензы в Чикой (бассейн Селенги), на северной окраине Зачикойской горной страны [1]. Поселение связанное со II надпойменной террасой, раскопано на площади около 600 кв. м. Поселение отличается высокой степенью многослойности. Всего установлено наличие 31 культурного слоя, при этом к эпохе ранней бронзы относится слой 2 (каштановая супесь залегающая под дерново-почвенным слоем). В слое выявлены очаги, кострища, хозяйственные ямы, а также около 15 тысяч артефактов, включающие в себя керамику и каменные изделия. Обращает на себя внимание отсутствие как таковых изделий из бронзы, но выявлены абразивные камни со следами заготовки орудий из металла, а также молотов, пестов и кирок для добычи и дробления руды. Из этого возможно заключить, что орудия из бронзы использовались, но их было крайне недостаточно. В силу этого сохранялась неолитическая традиция широкого использования микронуклеоидной техники, позволяющий получать большие серии микропластин, вставляемых в пазы с костяных или деревянных рукоятей.

В слое выявлено 215 нуклеусов. Столь представительной коллекции нуклеусов нет ни на одном другом памятнике ранней бронзы в Забайкалье.

Выделяются следующие группы:

Заготовки микронуклеусов. Изделия с подготовленными боковыми и концевыми клиньями, предназначенными для зажима в процессе снятия микропластин. У нескольких экземпляров оформлены прямые или слегка наклонные ударные площадки. 15 экземпляров или 6,9% от всех.

Торцовые микронуклеусы. Для них характерно снятия микропластин с торца, без оформления нижних и боковых краев. Не исключается, что клин был удален на заключительной стадии использования. 40 экземпляров или 18,6%.

Торцово-клиновидные микронуклеусы. Наиболее распространенный тип нуклеуса. Поверхность снятия у нуклеуса этого типа смещена на торец, противоположный край и нижний конец, оформлены в клин, образующий непрерывную линию ребра. У большинства экземпляров

ударная площадка имеет многофосеточное оформление. Всего 109 или 50,7%.

Призматические микронуклеусы. Фронт снятия круговой. Отличается наличием двух противоположных ударных площадок. 18 экземпляров или 8,4%.

Конические микронуклеусы. Первый подтип несет следы круговых снятий, с приостренным нижним концом. Второй подтип уплощенно-конический, при котором снятие видется с фронтальной выпуклой стороны. 10 экземпляров или 4,7%.

Нуклеусы-орудия. Сильно сработанные микронуклеусы, превращенные путем дополнительных снятий в полиэдрические резцы, иногда называемые нуклеусами-дрилями. 18 экземпляров или 8,4%.

Обломки микронуклеусов. Некоторые нуклеусы представлены в виде обломков, что не позволяет относить их к конкретным типам микронуклеусов, описанных выше. Всего 5 или 2,3% от всего количества нуклеусов.

Микронуклеусы предназначены для снятия микропластин с целью дальнейшего изготовления вкладышевых орудий, чаще всего снятие производилось до значительного или полного истощения объема, что связано со скудной сырьевой базой в отношении яшмы и халцедона. Все микронуклеусы отличаются четкими сквозными фасетками микропластин, а также устойчивой организацией ударной площадки и клиньев. Размеры микронуклеусов варьируются: от 8 см, судя по заготовкам, до 1,3 см у сработанных форм, некоторые микронуклеусы модифицированы в орудия [2].

Изучение поселения Усть-Менза 2 продолжается, что позволит составить более полное представление о технокомплексе эпохи ранней бронзы в таежных районах Забайкалья.

1. Юргенсон Г.А., Константинов М.В. Зачикойская горная страна // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 199

2. Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б. Таежный Чикой на рубеже на рубеже камня и бронзы / ЗабГУ; ИИМК РАН. – Чита: ЗабГУ, 2016 – 247с.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Константинов М. В.

Традиции организации жилого пространства на поселениях кротовской культуры

Нестеров С. С.

Новосибирский государственный педагогический университет

Проблема изучения эпохи бронзы Западной Сибири уже достаточно длительное время привлекает внимание исследователей. За последнее время в Центральной Барабе и Прииртыше большими площадями был раскопан целый ряд поселений кротовской культуры: Абрамово–10, Венгерovo–2, Преображенка–3, Черноозерье–4, Черноозерье–6, Сарани–2, Инберень–10, Сибирская Саргатка–1 [1,2,3]. Полученный в результате этих исследований материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы по планиграфии поселений этой культуры.

В среднем поселок состоял из 8-14 сооружений. Поселение Черноозерье–4 в котором выявлено всего 2 строения можно считать исключением [3].

К настоящему времени раскопано 31 жилище кротовской культуры (21 в лесостепной Барабе, 10 – в Прииртыше). Выделяется три типа сооружений.

Первый представляет собой небольшую, одну режу двух камерную полуземлянку с выходом в виде канавы-пандуса (иногда длиной до 6 м.). Их площадь колеблется от 25 до 77 кв. м. Глубина 28-40 см. Очаг чаще всего расположен в центре котлована.

Ко второму типу относятся крупные прямоугольные полуземлянки площадью 90 – 160 кв. м. Их глубина колеблется в пределах 32-40 см. Выход устраивался в виде ступеньки. Прослеживаются 1-2 очага в виде заглублённых в материк прямоугольных ям. Внутреннее жилое пространство включает в себя кроме очагов хозяйственные площадки и ямы. Прослеживаются попытки укрепления пола в виде вымосток из крупных фрагментов битой керамики.

Третий тип построек представляет собой хозяйственные сооружения в виде подпрямоугольного котлована площадью 12-15 кв. м. с двумя или тремя ямами от столбов, видимо удерживающих навес или крышу. Очаг в большей части таких конструкций отсутствует.

Таким образом, кротовские поселки демонстрируют разнообразные домостроительные традиции. Устойчивыми признаками можно считать, форму котлованов, размещение очагов в центре жилища, каркасно-столбовая конструкция стен и кровли.

Выделяются два типа планировки жилого пространства поселений:

Первый предполагает очень плотное круговое расположение жилищ с оставлением незастроенной центральной площадки, в некоторых случаях фиксируется одно центральное жилище.

Второй тип представляет собой линейную планировку посёлка с расположением жилищ вдоль естественной границы: обрыва береговой террасы реки или кромки леса. Как минимум в одном случае (Венгерово-2) при такой планировке прослежена конструкция из столбов отгораживающего весь поселок забора. В памятниках Прииртышья (Имберень-10, Черноозерье-6) выявлены окружающие поселение неглубокие каналы, выполнявшие видимо тоже функции ограды.

Первый тип планировки без сомнения предполагает одновременное возведение всех сооружений посёлка как единого архитектурного ансамбля. Кольцо жилищ невозможно дополнить новыми строениями без серьёзной перестройки всего комплекса. Такое строительство требует усилия всех жителей посёлка организованных какими-то органами власти.

Второй линейный тип планировки позволяет уже после окончания строительства расширять поселение, достраивая жилища в обе стороны вдоль кромки террасы. Однако и в этом случае жилища располагаются очень плотно и в некоторых случаях окружены общей оградой. Всё это также можно считать признаками значительной сплоченности коллектива.

Таким образом, судя по планировке поселений можно предположить, сложную социальную структуру кротовского общества, состоящего из сплоченных коллективов (близких родственников?), проживающих в едином поселке группой численностью от 60 и до 150 человек.

Линейная планировка предполагает меньшее сплочение коллектив, возможность его расширения за счёт пришлых семей. Как правило, в таких поселках фиксируется значительная концентрация бронзолитейного производства, предполагающую работу на обмен за пределы поселка.

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985. -200 с.

2. Молодин В. И., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 5. – С. 104-119.

3. Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртыше // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. 1998. – С. 53-75.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Дураков И. А.

Организация погребального пространства андроновской (федоровской) культуры Центральной Барабы

Новожилов Р. Д.

Новосибирский государственный педагогический университет

Изучение погребального обряда андроновской культуры ведётся уже около столетия и всегда привлекло внимание исследователей. Масштабные исследования могильников этой культуры, проведённые на территории Центральной Барабы Западносибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН привели к значительному увеличению археологического материала и позволяют по новому взглянуть на данную проблему.

В андроновской (федоровской) погребальной практике, можно выделить три варианта организации погребального пространства:

Погребальная площадка ограничена разорванными по углам квадратными рвами. Могилы с кремацией расположены в центре конструкции и составляют ряд или равнобедренный треугольник. Над ними прослеживается невысокая курганная насыпь. Подобные ситуации зафиксирована на могильниках Старый Тартас-4 и Погорелка-2 [1,2]. В некоторых случаях (Погорелка-2, кург. 43, Старый Тартас-4, кург. 16) в подобных сооружения, рвы заменены небольшими вытянутыми ямами.

Бескурганные грунтовые захоронения расположенные вытянутыми с севера на юг рядами (могильник Тартас-1). Погребенные лежат в скорченном положении на боку головой на восток, северо-восток. Присутствие в погребальной пище ряда могил рыбьей чешуи, по степени сформированной последнего годичного кольца позволило определить сезон вылова и как следствие время захоронения умершего. В ряде случаев установлено, что рядом расположенные могилы сооружались в один годовой сезон. Например, погребения 224, 225, 227 сооружены в конце весны, или начале лета, 311, 312, 309 – зимой [3]. Видимо ряд из 5-6 могил формировался за очень короткий промежуток времени. Там где удалось проследить в одном ряду разносезонные могилы, по последовательности смены сезонов установлено, что формирование рядов происходило с юга на север.

Погребальное сооружение представляет собой сложный архитектурный ансамбль, состоящий из нескольких примыкающих друг к другу рвов. В комплексе всегда присутствует центральное доминирующее сооружение состоявшее из одной или двух могил ограниченных круглым в плане рвом, все остальные элементы пристраиваются к нему, и как правило состоят из

погребения и полукруглого рва. Комплекс мог достраиваться длительное время и развиваться в любом направлении погребального поля. Практически все умершие кремированы, вещевой комплекс обеднен, курганные насыпи отсутствуют. Данный тип погребальных сооружений прослежен только на могильнике Тартас-1.

Таким образом, можно заключить, что на территории Центральной Барабы у населения андроновской (федоровской) культуры, зафиксировано три способа организации погребального пространства. Первый из них самый ранний, большинство исследователей считает, что он отражает состояние погребального обряда на период появления носителей андроновской (федоровской) культуры в Центральной Барабе. Два других явно более поздние. Расположение погребений рядами характерно для предшествующей андроновскому переселению кротовской культуры и видимо проникло в андроновскую среду в результате ассимиляции аборигенного населения. Поздняя датировка третьего вида организации погребального пространства обосновывается планиграфически, так как выявленные на Тартасе-1 архитектурные сооружения включены в ранее сформированные ряды могил.

1. Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (федоровские) курганы могильника Погорелка-2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. XVIII. С. 249-253.
2. Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. Т. 11. № 3. С. 48–62
3. Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 3. С. 77-90.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Дураков И. А.

Организация внутреннего пространства в жилищах раннего железного века Зауралья

Пилькина А. А.

Тюменский государственный университет

К наиболее важным источникам по изучению древних культур, несомненно, относятся остатки жилых и хозяйственных построек. Важной частью жилища, как организованного человеческой деятельностью пространства является интерьер.

Цель работы состоит в воссоздании внутреннего убранства жилища населения раннего железного века на территории Зауралья. В ходе работы использовались опубликованные материалы с памятников байтовской, гороховской и саргатской культуры.

В основном интерьер жилищ был обусловлен расположением в жилище входа и очага. В большинстве случаев вход был устроен посередине торцевой стены. В саргатских постройках он чаще находился сбоку. Вход в хозяйственные сооружения был через улицу или с жилой части дома.

Интересным является расположение входа в гороховских жилищах. Он находился в хозяйственном помещении, далее откуда уже можно было попасть в жилую часть дома (Воробьевское городище, жил.2, Гороховское городище, жил. 2,3).

Необходимым компонентом жилого пространства являлся очаг. В большинстве случаев он находился в центре жилого помещения. Иногда он был смещен к выходу, либо же располагался в углу у выхода, что, по всей видимости, позволяло создавать тепловой барьер для сохранения температуры в жилище. Есть случаи, когда очаг размещен в углу вдали от выхода. Порой смещен к стене, где расположены нары, материковый выступ.

Иногда в жилищах выделяются несколько очажных пятен, которые вместе со следами перегородок свидетельствуют о выделении локальных помещений, а также о проживании больших коллективов людей. Скорее всего, крупные многоочажные дома, следует рассматривать как многосемейные. Часть жилища отгораживалась пологом, занавесками – там могли обитать отдельные члены семьи или супружеские пары.

Так, например, известны постройки с камерами, близкими друг к другу по размерам и внутренней планировке. В обеих камерах в таком случае находилось по одному очагу, схожему по конструкции, что как уже упоминалось - это может отражать процесс дробления большой семьи на малые ячейки. Примером могут служить жилище 1 с поселения Речкино – 2, постройка 10 Рафайловского селища и жилище 7 Коловского городища.

В основном количество очагов зависело от размеров постройки. В небольших постройках обычно находился один очаг, которого видимо было достаточно для обогрева пространства. В жилищах с большей площадью их количество значительно увеличивается. Так, например, на городище Боровушка 2 баитовской культуры в жилище 2 был обнаружен один очаг, а уже на городище Большой Имбиряй 3 того же самого населения в жилище 2 и 1 большей площадью два и три очага.

Следует сказать, что в раннем железном веке наблюдается разделение жилых и производственных помещений. Из-за чего хозяйственных ям в жилищах раннего железного века немного, и они как, правило, небольшие. Преобладают углубления овальной и округлой формы, реже встречаются прямоугольные, квадратные и канавообразные. Обычно они локализируются около стен, иногда располагаются ближе к центру, очагу либо находятся в углу. Для хранения продуктов и утвари использовались, видимо, специальные помещения, пристройки, кладовки.

Такие пристройки и кладовки обнаружены в баитовских жилищах на городище Большой Имбиряй 3, Боровушка 2, Ботники 1а.

Кроме того, на поселение существовали постройки производственного и хозяйственного назначения, наружные очаги, ямы, загоны для скота. Их останки хорошо представлены на Дуванском II селище и Рафайловском городище.

Во многих домах присутствуют следы сооружения нар для спальных или сидячих мест. В домах зажиточных людей, возможно, были топчаны и легкие кровати, такие разновидности ложа встречены в погребальном обряде саргатцев.

Например, в жилище 1 на городище Большой Имбиряй 3 зафиксированный у северной стенки материковый выступ, которой, судя по форме и размерам, можно интерпретировать, как нары или лежанки. На Гороховском городище в жилых помещениях построек 4, 6, 8 земляные лежанки находились в левом от входа в дальнем углу, занимая площадь около 20 кв. м. На Коловском селище в жилище 3 материковое возвышение располагалось в 1 м от очага.

Таким образом, внутреннее пространство в жилищах раннего железного века использовалось довольно рационально, а также отражало различные стороны жизни данного населения.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Матвеева Н. П.

История изучения погребальных комплексов эпохи палеометалла побережья Гилевского водохранилища

Савко И. А.

Алтайский государственный педагогический университет

Изучение археологических памятников Алтая является одной из актуальнейших задач современной археологической науки не только потому, что данный регион ориентирован на рекреационное экономическое развитие, но и в силу чисто научного интереса, определяемого его древним прошлым [1]. Не составляют исключения в этом отношении и погребальные памятники эпохи палеометалла расположенные в микрорайоне Гилевского водохранилища.

Цель исследования охарактеризовать процесс истории изучения погребальных комплексов эпохи палеометалла побережья Гилевского водохранилища. Задачами исследования являются: определение источниковой базы, обобщение результатов деятельности археологических экспедиций, выявление проблем и перспектив в дальнейшем изучении микрорайона.

Источниками для написания работы послужили материалы архива сектора археологии УНИЛ «Исторического. краеведения» АлтГПУ и ряд работ В.А. Могильникова, М.А. Демина, А.Л. Кунгурова, С.М. Ситникова, В.Б. Бородаева, П.И. Шульги, А.А. Тишкина и др.

Внимание к археологическому прошлому Гилевского микрорайона связано непосредственно с освоением Рудного Алтая в начале XVIII в. и первую очередь соотносится с деятельностью служебных деятелей Кольвано-Воскресенского горного округа (И. Лейбе, П.С. Паллас, А.Б. Остермейер и др.). Полномасштабное изучение объектов историко-культурного наследия началось с сооружением плотины на р. Алей в 70-е гг. XX в. Первые разведочные работы в зоне строительства гидроузла провел в 1970 г. Я.А. Шер, который собрал кремневый инвентарь на размытой палеолитической стоянке в русле Алея у створа гидроузла и выявил несколько курганных могильников вблизи села Гилево.

Дальнейшие аварийные исследования в зоне строительства гидросооружения проводились экспедицией ИА АН СССР во главе с В.А. Могильниковым в районе сел Корболиха и Кураевка в 1971–1976 гг. исследованы древнейшие погребальные комплексы в том числе и эпохи палеометалла. Основная масса раскопанных могильников относится к раннему железному веку: Корболиха-I, IX, X, Гилево- IX, X, XIII. Курганы содержали останки нескольких погребённых с ориентировкой запад-восток. Инвентарь их беден. Интерес представляют обломки железных

булавок, головки которых обёрнуты золотым листком. К эпохе бронзы относится курганные могильники с каменными оградками Корболиха I и Гилево VI датируемые андроновским временем.

С окончанием строительства плотины археологическая деятельность в районе временно прекратилась. Полномасштабные исследования возобновились с 1990-х гг. в связи с проводимым на Алтае сплошным обследованием районов края. В 1995 - 1996 г. сотрудниками БГПУ (ныне АлтГПУ) М.А. Деминым, С.М. Ситниковым и В.Б. Бородаевым на отмели берега водохранилища открыты богатейшие археологические комплексы памятников эпохи палеометалла. За последующие 15 лет экспедицией АлтГПУ под руководством д-р ист. наук М.А. Демина и канд. ист. наук С.М. Ситникова исследовано более 200 погребений: грунтовые могильники Чекановский Лог - II, X андроновской культуры эпохи бронзы, могильник Чекановский Лог - VII бегазы-дандыбаевской культуры поздней бронзы, могильники Чекановский Лог-IIA, IXA, XA раннего железного века. Андроновские захоронения были совершены по обряду трупоположения и трупосожжения. Среди находок выделяется большая серия золотых изделий: целостные золотые серьги с раструбом, кольцевые серьги на бронзовой основе, обернутые золотой фольгой, обоймочки, пронизки. Представительную коллекцию сопровождающего материала составили нарядно-ритуальные керамические сосуды с орнаментом, выполненным мелким гребенчатым штампом [2].

В захоронениях раннего железного века, кочевника сопровождала лошадь вместе с принадлежностями конской упряжи, кроме того, мужчине в погребении клали оружие и орудия труда, а женщине украшения и предметы личного быта. Параллельно с этим в 2000 - 2006 гг. раскопки на памятнике раннего железного века Гилево-X возобновил П.И. Шульга.

Таким образом, почти полувековые исследования береговой зоны водохранилища открыли для археологии интересные и уникальные погребальные комплексы эпохи палеометалла. Дальнейшие перспективы изучения микрорайона, как нам представляется, будут связаны с обработкой известной информации и введением в научный оборот новых археологических источников необходимых для более детальных этнокультурных реконструкций.

1. Головченко Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож», или Некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №3 (41). С. 100 - 106

2. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции: Ч.1. Барнаул: БГПУ, 2007. 274 с.

Научный руководитель – Головченко Н. Н.

Парные погребения пазырыкской культуры

Урбушев А. У.

Горно-Алтайский государственный университет

Одной из самых изученных культур Горного Алтая является пазырыкская. Исследованная в основном по погребальным памятникам, эта культура является одной из самых ярких по своей материальной и духовной составляющей. Погребальный обряд исследователями рассматривается обычно в двух аспектах: знаково-символическом и структурно-аналитическом. Первый аспект раскрывает семантическую сторону обряда, тогда как второй предполагает анализ отдельных частей погребального ритуала. Таким образом, осуществляется реконструкция многих сфер жизнедеятельности людей в древности [1, 8]. В настоящей работе проводится попытка реконструкции мировоззренческих и религиозных сторон пазырыкского социума на основе парных погребений.

Самое большое количество пазырыкских курганов раскопано в Юго-Восточном Алтае, где по подсчетам А.А. Тишкина и П.К. Дашковского из исследованного 251 кургана в 58 (23,1%) содержатся парные погребения. Могильники пазырыкцев в этой части Алтая являются типичными, поэтому для выявления некоторых закономерностей и тенденции выбраны для рассмотрения именно они. Примерно такое же соотношение погребальных памятников пазырыкской культуры наблюдается и на всей территории Алтая. Среди парных погребений наибольшее количество – 25 (43,1%) – принадлежит совместным мужским и женским захоронениям, мужчине с ребенком и двум женщинам по семь (12%), двум детям – 5 (8,6%) и по одному (1,7%). В остальных 12 (20,6%) случаях половозрастные характеристики определить не удалось [8]. Исследователями установлено, что такие погребения были одноактными [3].

Погребенные в таких курганах, видимо, являлись близкими родственниками или же в случае совместного погребения мужчины и женщины – супругами [2–6]. Родственность же однополых или взрослого с ребенком/подростком погребенных доказывают результаты современных генетических исследований, проведенные в одном из парных погребений Южного Алтая [6].

Положение умерших является немаловажным аспектом при изучении погребальной практики. В погребениях с восточной и южной ориентацией, детский костяк в погребальной камере располагается обычно в северной и восточной части соответственно, а женский, при самой распространенной

восточной ориентации, располагается в северной или центральной части, где мужской занимает южную половину [3–5, 7]. Самым распространенным вариантом труположения является помещение скорченно на правом боку, покойников которые были ориентированы головой на восток, и скорченно на левом боку, ориентированных головами в западном направлении. Такая закономерность свойственна практически всем погребениям, будь то одиночное или коллективное [8]. То есть почти всегда лицом они были повернуты на север. Такие результаты наблюдений, возможно, отражают некоторые особенности религиозно-мировоззренческих представлений. Реже встречаются погребенные, уложенные вытянуто на спину или, еще реже, на живот [5, 8].

Подводя итог, можно констатировать, что изучение совершения парных погребений, предоставляет возможность расширения знаний о некоторых особенностях традиционных обычаев и мировоззренческих сторон пазырыкской культуры.

-
1. Алексин В.А. Погребальные обряды древних народов Евразии как источник по реконструкции представлении о смерти // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987. С. 14-16.
 2. Гаврилова А.А. Пятый пазырыкский курган. Дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Спб, 1996. С. 89-102.
 3. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 150 с.
 4. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
 5. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
 6. Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т.43(4). С. 144-150.
 7. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
 8. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: АлтГУ, 2003. 430 с.

Научный руководитель – канд. ист. наук Константинов Н. А.

Отражение внешних торгово-экономических контактов в литейном производстве кротовской культуры

Шабалов В. П.

Новосибирский государственный педагогический университет

Литейное производство кротовской культуры полностью базируется на привозном сырье. Его обеспечение металлом в количествах необходимых для нормального функционирования кротовской экономики требовало перемещения больших объёмов этого материала на очень значительные расстояния, что предполагает широкие торгово-экономические связи. Определить направления этих связей, основываясь только на анализе самого металла, в настоящее время не представляется возможным. Химико-аналитический метод определения происхождения металла критикуется ещё с конца 50-х гг. прошлого века целым рядом исследователей: Ф. Томсеном, Е. Перницка, Н.В. Рындиной [1, 2]. Предложенная Е. Перницка методика изотопного анализа находится ещё в стадии становления.

Таким образом, сделанные на основе спектрально-аналитического определения сырьевой базы любого металлургического центра требуют корректировки общепалеонтологических методами. Перспективным в этом плане является анализ происхождения импортных материалов сопутствующего производственного инвентаря (форм, сопел, абразивов, ударников и т.д.).

Сделанные к настоящему времени немногочисленные спектральные анализы кротовского металла, по мнению большинства авторов, указывают на Западное и Юго-Западное направление поступления сырья [2].

Связанные с литейным производством археологические памятники кротовской культуры (бронзолитейные участки поселений и погребения «литейщиков»), содержат некоторое количество изделий изготовленных из явно импортных материалов. Нами учтено 4 каменных формы для изготовления кельтов сейминско-турбинского типа. Три найдены в погребении литейщика из могилы 282 (64, курган 25) могильника Сопка-2. Две изготовлены из талька, одна – из песчаника. Ещё одна форма происходит из поселения Венгерovo-2. Данная форма вырезана из мергеля.

На внутренней поверхности форм прослежена изолирующая обмазка из графита [4].

Учтено 5 абразивов из погребений литейщиков могильника Сопка-2 и один из Тартаса-1. Три из них – сланцевые, два – из мелкозернистого песчаника.

Привозным изделием является и воздуходувное сопло для мехов из красноватого сланца (погребение 282, могильника Сопка-2).

Выявлено 5 каменных молотов (2 из них происходят из могильника Сопка-2, 3 - с Тартаса-1), изготовленных из сланцевых галек с сохранившейся галечной коркой. Два песта гладилки могильника Сопка-2 изготовлены из сильно окатанных песчаниковых галек (все определения Н.А. Кулик).

Все эти материалы не встречаются в Центральной Барабе. Ближайшие месторождения талька и графита расположены в Уральском регионе [5,6]. Ближайший источник сланцевых и мелкозернистых песчаниковых галек это Среднее Прииртышье. Из этого же региона по определению Н.А. Кулик происходят и кремневые изделия (отщепы, скребки, ножевидные пластины, наконечники стрел) из погребений литейщиков могильников Тартас-1 и Сопка-2.

Таким образом, орудия бронзолитейного производства и бытовой инвентарь литейщиков кротовской культуры Центральной Барабы демонстрируют два источника поступления использованных для их изготовления материалов:

1. Ближний (не более 350-400 км) включающий Среднее Прииртышье и примыкающие к нему области Северного Казахстана.
2. Дальний (более двух тысяч км.) охватывающий Урал и Приуралье.

1. Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. - М.: Эдиториал УРСС, 1998. –С.8-9.

2. Thompson F.C. The Early Metallurgy of Copper and Bronze // Man. Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. V. 58, 1958. - P. 1-7.

3. Кузьминых С.В. Основные этапы развития металлообработки Западной Сибири в эпоху раннего металла и раннего железа (медь и бронза) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №6(2). - С.69.

4. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – С. 247.

5. Каталог Минералов [Электронный ресурс] URL <http://www.catalogmineralov.ru/mineral/talc.html#deposit> (дата обращения 15.02.2017).

6. Каталог Минералов [Электронный ресурс] URL <http://www.catalogmineralov.ru/mineral/graphite.html#deposit> (дата обращения 15.02.2017).

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Дураков И. А.

Петроглифы раннего железного века на территории археологического комплекса Тепсей

Шишкина О. О..

Кемеровский государственный университет

Археологический комплекс Тепсей (АКТ) известен с 1960-х гг., когда при строительстве Красноярского водохранилища на надпойменной террасе у горы Тепсей были обнаружены археологические объекты (поселения и могильники) 11-ти исторических периодов (от энеолита до средних веков) [1]. В комплекс входят и петроглифы, покрывающие скальные выходы горы [2], а также нанесенные на курганные камни, расположенные у ее подножия. За последние годы источниковая база петроглифов значительно пополнилась благодаря исследованиям, проведенным Тепсейским отрядом кафедры археологии КемГУ под руководством О.С. Советовой в 2012-2016 гг. Найдены новые изображения в уже известных пунктах, открыты новые местонахождения рисунков (г. Кременная, в Волчьем логу), завершено документирование петроглифов на камнях тагарских курганов.

Внутренний пласт археологических, в том числе и изобразительных источников АКТ составляют объекты, относящиеся к тагарской археологической культуре (ранний железный век) – это материалы из погребений, а также петроглифы, выполненные в «скифо-сибирском» зверином стиле. Среди последних обнаружена уникальная сцена с животными, выполненными в редкой для данного региона манере – с вытянутыми клювообразными мордами, с выразительными завитками на корпусах (наиболее ранние изображения); часть изображений выполнена в классическом стиле: контурно, в позах «внезапной остановки», с подогнутыми под живот ногами, в стремительном беге, с заполнением корпусов спиральями и завитками. Другое направление представлено упрощенными силуэтными и линейными фигурками животных в аналогичных позах. Более поздняя группа изображений относится к тесинскому этапу тагарской культуры. К настоящему времени в Минусинской котловине выявлен целый пласт наскальных изображений этого периода [3]. Тесинские рисунки также разнообразны, многочисленны и демонстрируют разрушение старых изобразительных канонов и присутствие новых стилистических веяний, происходит «вырождение» скифо-сибирского стиля. Зооморфные фигуры становятся более схематичными, распространенными становятся т.н. «лабиринты и путаницы». На нескольких гранях одного из курганных камней в пункте Тепсей VIII обнаружены фигуры, выполненные в особой манере. Рисунки

людей и животных, изображенные на этом камне, некрупные, выполнены изящной точечной выбивкой, очень реалистично.

Наиболее проблематичны датировка и семантика антропоморфных персонажей. «Тагарские человечки» – многочисленные и достаточно схематичные фигуры, часто изображены без одежды, с обозначенным признаком мужского пола, с «султаном» на голове. На Тепсее многочисленны группы тагарских всадников, воинов (фигуры изображены с различным оружием: луком, чеканом, булавой и пр.), персонажей в особых позах (фертообразной, с присогнутыми ногами, с растопыренными пальцами рук и т.д.). Многочисленность батальных сцен свидетельствует о частых конфликтах, приводящих к войнам. Особенно интересно, что на Тепсее в батальных сценах противники часто изображены по-особенному: гипертрофированные антропоморфные фигуры («великаны») противостоят маленьким фигуркам, «толстые» коротконогие человечки - «тонким» высоким. «Великаны» известны не только в батальных сценах, они выступают в качестве проводников коней, изображены рядом с многочисленными всадниками, а также в сочетании с небольшими животными.

Рассматривая петроглифы в контексте археологических данных, отметим, что на территории АКТ большую площадь занимали четырехкаменные, шестикаменные, восьмикамменные курганы подгорновского (Тепсей III, VII, VIII, IX, XVI, XXI), сарагашенского (Тепсей VIII, XV, XXI) и тесинского (Тепсей I, III, VII, XVI, XVII) этапов тагарской культуры [1]. К тесинскому этапу тагарской культуры относится новый вид памятников, впервые обнаруженный именно на Тепсее – остатки поминальников (Тепсей I). Поселений тагарского времени на территории данного микрорайона обнаружено не было. Очевидно, тагарцы приходили на территорию АКТ для совершения захоронений. Возможно, к погребальным и поминальным обрядам были приурочены петроглифы, которые наносились на курганные камни и скалы. О важных мировоззренческих проявлениях свидетельствуют сцены с особыми персонажами, «уводящими» табуны коней, «стерегущими» входы в склепы и др.

1. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

2. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

3. Советова О. С. Тесинские рисунки на Тепсее // Архаическое и традиционное искусство. Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 95-98.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Советова О. С.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК-902

История археологического изучения Каракольской долины (Центральный Алтай)

Амургушева А. С.

Горно-Алтайский государственный университет

Каракольская долина – уникальное место скопления археологических памятников в Центральном Алтае (Онгудайский район Республики Алтай). Зафиксированные и исследованные на этой территории памятники стали основой для выявления особенностей различных археологических культур региона. Целью работы является выделение основных этапов археологического изучения долины реки Каракол и их особенностей.

На основе собранного материала об исследованиях в Каракольской долине можно выделить три этапа археологического изучения: 1 этап – 1920-1940-е гг., 2 этап – 1950-1992-е гг., 3 этап – с 1992 г. по настоящее время. Для каждого этапа характерны такие виды исследований как: изучение петроглифов, археологические раскопки и разведки памятников долины.

Первый этап связан с исследованиями А.В. Анохина, В. Лизунова, Г.И. Гуркина, С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой [1; 3]. Основной интерес исследователей был направлен на изучение наскальных рисунков и каменных изваяний долины р. Каракол. Кроме того были проведены раскопки нескольких раннесредневековых поминальных оградок. Работы, проведенные на этом этапе, явились важным опытом для осмысления научного значения археологических памятников Центрального Алтая.

На втором этапе исследования памятников Каракольской долины в значительной степени расширяются. Изучением петроглифов в этот период занимались А.И. Минорский, А.П. Окладников, Е.М. Берс, А.И. Мартынов, Л.С. Марсадалов и другие. Важным итогом исследований в начале этого этапа стали раскопки двух больших «царских» курганов на могильнике Башадар в 1950 году под руководством С.И. Руденко. По устройству погребений и остальным находкам, курганы отнесены к пазырыкской культуре скифского времени [4]. Позднее, археологические раскопки и разведки проводились такими исследователями как Е.М. Берс, А.С. Васютин, Ю.Т. Мамадаков, О.В. Ларин, А.С. Суразаков и П.И. Шульга. Говоря об истории археологических исследований на реке Каракол, нельзя не упомянуть исследования памятников каракольской

культуры В.Д. Кубаревым в селе Каракол. Во время этого этапа были изучены погребальные памятники, поселения, петроглифические комплексы, относящиеся к разным археологическим культурам [2; 5]. Надо отметить, что основная источниковая база по археологии Каракольской долины была получена именно в этот период изучения.

На третьем этапе в долине предпринимались лишь разведочные работы. Это объясняется тем, что в 1990 году намерение новосибирских археологов произвести раскопки большого кургана пазырыкской культуры рядом с одним из сел долины, вызвало протест со стороны местных жителей. Этот протест и последующее противостояние местного населения и археологов повлиял не только на изучение археологических памятников долины реки Каракол. Эта ситуация, вместе с общим упадком социально-экономического развития страны, повлиял и в целом на снижение интенсивности археологических исследований на территории всей Республики Алтай. Активные разведочные работы на этом этапе проводили горно-алтайские и бельгийские археологи. Продолжаются исследования Е.А. Миклашевич, Л.Л. Бове, Е.Е. Ямаевой, А.И. Мартыновым и другими учеными наскальных рисунков долины [6].

В настоящее время вся долина реки Каракол включена в территорию природного парка «Уч-Энмек». С одной стороны археологические памятники, находящиеся на территории ООПТ находятся под охраной, с другой стороны они активно используются в туристической деятельности парка, что не всегда благоприятно сказывается на их сохранности.

Обзор истории изучения археологических памятников Каракольской долины показал, что этот участок насыщен разнотипными и разновременными археологическими объектами. И, несмотря на уже проведенные полевые археологические исследования, изучение памятников долины р. Каракол по-прежнему остается актуальным.

-
1. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М.: 1952. С. 72-120.
 2. Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
 3. Петроглифы Алтая / В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН СО РАН, 1992. 123 с.
 4. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: Наука, 1960. 360 с.
 5. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: НГУ, 2015. 336 с.
 6. Ямаева Е.Е. Петроглифы долины Каракол. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. 75 с.

Научный руководитель – канд. ист. наук Константинов Н. А.

**Характеристика кузнечного инструментария
средневековых кочевников Южной Сибири из фондов
Минусинского краеведческого музея**

Давыдов Р. В.

Новосибирский государственный университет

К настоящему времени проблемы металлообработки у южносибирских народов периода Средневековья изучены неравномерно. Недостаточно внимания уделялось инструментам кузнецов и ювелиров, не анализировалась целиком крупнейшая коллекция орудий по работе с черным и цветными металлами, хранящаяся в фондах Минусинского краеведческого музея. Лишь отдельные категории инструментов получили краткую оценку в обобщающих трудах по археологии Южной Сибири [1] и привлекались при характеристике культуры енисейских кыргызов [2].

В данной работе рассмотрена коллекция средневековых (V-XVI вв.) орудий для обработки металла из фондов Минусинского краеведческого музея, состоящая из 59 изделий. Коллекция включает в себя следующий инструментарий: каменная наковальня, пробойники, клещи, пинцеты, зубила, напильники, молотки-напильники и молотки из черного металла.

Наковальня изготовлена из грубо обработанной неровной плиты песчаника. Имеет размеры рабочей поверхности 13,5×14 см., высота 14 см.

Однотипные пробойники (2 экз.) квадратные в сечении, имеют длину 14 см. и 11 см. и заостренную рабочую часть.

Клещи (7 экз.). Выделяются 3 типа: орудия с плоскими, смыкающимися на большой площади концами губок и тонкими четырехгранными в сечении ручками, длиной от 15 до 27 см. (4 экз.); крупные (25 см.) клещи с прямыми острыми концами (1 экз.); грубые клещи с тупыми губками, смыкающимися в одной точке (2 экз.).

Коллекция Минусинского музея включает в себя 17 пинцетов. Из них три отнесены к кузнечным орудиям по следующим признакам: плоские прямые концы губок, наличие фиксирующего кольца, относительно большие размеры.

Зубила (7 экз.) представлены: цельными орудиями (2 экз.), черешковым инструментом (1 экз.) и зубильными молотками (4 экз.).

Также обнаружено 15 напильников. По форме насечки их можно разделить на три группы. Первая (2 экз.) – инструменты с однорядной насечкой. Их полотна в сечении уплощенные, длиной 11,3 см. и 18,5 см. Они относятся к типу орудий с постепенным сужением вместо черешка. Вторая группа (1 экз.) представлена черешковым, треугольным в сечении напильником длиной 13,5 см. с насечкой «елочкой». Третья (12 экз.) –

орудия с перекрестной насечкой. Они относятся к типу черешковых инструментов и делятся по форме сечения полотна на 5 подтипов: с прямоугольным (1 экз. длиной до 12 см.), с полукруглым (1 экз. до 12 см., 2 экз. 12-15 см., 2 экз. от 15 см.), с уплощенным (3 экз. 12-15 см.), с трапецевидным (2 экз. 12-15 см.), с треугольным (1 экз. 12-15 см.).

Молотки-напильники представлены 13 экземплярами. Они делятся на 3 группы по форме бойка: с Г-образным бойком для чеканки (2 экз.); с двусторонним бойком с плоскими концами (6 экз., включая 5 маленьких орудий с полотном напильника с мелкой насечкой и небольшим молоточком и 1 крупный экземпляр); с двусторонним бойком, один конец которого сужен (5 экз.).

Наконец, рассмотрено 11 молотков: 2 экз. – фрагменты молотков-напильников, 4 экз. – четырехгранные бойки с отверстием для деревянной рукояти, в т. ч. 1 чекан, 5 экз. – молотки с железными рукоятями, включая 3 бойка с плоскими концами и 2 бойка конусовидной формы.

На основании анализа выделен ряд характерных черт коллекции инструментария для обработки металла из фондов Минусинского краеведческого музея.

Первое – небольшое количество молотков с деревянной рукоятью. Из орудий с бойком (28 экз.), 4 молотка и 4 зубильных молотка имели отверстие для рукояти. В то же время, в других регионах в этот период преобладают молотки с деревянной рукоятью [3, 4].

Второе – наличие большого количества многофункциональных инструментов (зубильные молотки и молотки-напильники, уникальные для территории Южной Сибири).

Третье – подавляющее большинство напильников имеет перекрестную насечку. Доля орудий с однорядной насечкой в других районах Сибири значительно выше [4].

Исследование проведено в рамках научной деятельности ЛМИПИЕ НГУ.

-
1. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. с. 574.
 2. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. / Археология СССР / Свод археологических источников. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. с. 40.
 3. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. с. 59.
 4. Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. с. 107-110.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Митько О. А.

Строительные традиции кочевой степи в жилой и культовой архитектуре

Дукомбайев А. Т.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан; Новосибирский государственный университет

Настоящее время характеризуется особым интересом со стороны ученых к кочевым культурам. В статье осуществляется попытка осветить особенности жилой и культовой архитектуры кочевых народов, а в частности казахов.

Необходимость традиционной системы жизнеобеспечения привела казахов к интенсивному развитию земледелия, различных видов промыслов, ремесел и вызвала появление первоначальных типов стационарных жилищ – земляночного, полужемляночного типа и юртообразных построек в качестве зимнего жилища.

К числу первых оседлых жилищ следует отнести наземные сооружения, напоминающие по своим формам юрту. В Центральном, Южном и Северном Казахстане подобный дом называли «шошала», а на востоке Казахстана – «тошала». *Шошала* – статичное подобие юрты, с характерным интерьером: сакральным очагом в центре, с ориентацией входа на восток, с женской и мужской половиной и почетным местом (төр) против входа. История «шошалы» берет начало у племен эпохи поздней бронзы, обитавших на территории Казахстана в последних веках II тыс. до н.э. Именно они, по мнению исследователей, придумали пирамидально–ступенчатое покрытие в виде усеченного конуса с отверстием над центральной частью жилища, и использовали его для перекрытия круглых и многогранных жилищ, открытых при раскопках поселений Петровка 2, Атасу, Бугулы 2 [1]. Аналогичные по типу постройки эпохи поздней бронзы А.М. Оразбаев обнаружил в Северном Казахстане на поселении Чаглинка (Шагалалы). Судя по материалам археологических раскопок, они представляли собой двухкамерные юртообразные восьмигранные срубы, соединяющиеся между собой узким коридором. Гипотетическая реконструкция дала следующую картину: оба помещения были юртообразные, с возвышающимся в виде конуса жердевым покрытием, но с разной конструкцией стен. Западное, почти круглое в плане – основное жилое помещение – было выстроено из столбов, обшитых плахами, и утеплено у основания землей. Восточное, неправильной овальной формы – хозяйственное – имело конструкцию стен, «как у казахской шошалы», в виде двух рядов плетня, пространство между которыми заполнялось землей, травой, золой и сухим навозом [2]. Шошала имело

цилиндрическую форму и коническую кровлю. Его стены возводились из дерна, дерева, камыша, двойного плетня, засыпанного землей, из саманного кирпича, а в лесных местностях Северо–Восточного Казахстана – из бревен в виде восьмиугольного сруба. Коническая кровля сооружалась из жердей, опирающихся одним концом на стены, другим – на обод или четырехугольный венец, поверх накладывалась тальником, застилалась камышом, засыпалась землей и толстым слоем золы и смазывалась глиной. Наверху делали круглое или квадратное дымовое отверстие в деревянной раме, которую изнутри поддерживали три–четыре столба. Дымовое отверстие покрывалось верхним ободом с юрты и кошмой.

Традиции сводчато–купольной архитектуры восходят своими корнями к энеолиту, что можно проследить на примере ботайских жилищ [3].

Основой ботайских жилищ была землянка 1,5–метровой глубины яма круглой формы вырытая в земле, так зимы пережить было легче и теплее. А в стенах такого жилища размещали разнообразные ниши–полки для различных вещей. Вверху возводился из брёвен надёжный купол, этот купол впоследствии забивался травой и мхом, после покрывался шкурами, а поверх этого заделывалось всё глиной, саманом и дёрном.

Большое внимание было уделено вопросу вентиляции, вверху делалось отверстие для отвода дыма, прямо под этим отверстием размещали очаг как в ярангах или юртах. Полуземляночное безкаркасное жилище могло быть многокомнатным – когда семья разрасталась, сбоку просто пристраивали еще один купол.

Данную традицию возведения купольных строений можно проследить на примере раннеалакульских погребальных конструкций, мусульманского мемориально–культового зодчества (мавзолей, мечети, кумбезы). Раннеалакульские погребальные камеры с колесницами имели сырцовые купольно–сводчатые перекрытия.

-
1. Маргулан А.Х. Архитектура древнего периода // Архитектура Казахстана. Алматы, 1959. – С.70.
 2. Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алматы, 1970. – С. 129–146.
 3. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало–Иртышского междуречья. – Петропавловск, 1993. – 246 с.

Научные руководители – канд. ист. наук, доцент Хабдулина М. К.;
канд. ист. наук, доцент Митько О. А.

Основные сюжеты настенных росписей в гробницах эпохи Тан (618-907)

Зими́на А. Д.

Новосибирский государственный университет

Изображения из китайских гробниц с настенными росписями эпохи Тан можно разделить на две различные изобразительные системы:

1. Реалистичные изображения, демонстрирующие со всех сторон сцены из жизни аристократии (или дворцового парка);

2. Стенописи, объединяющие картины космического мира с изображениями бессмертных, а также счастливых и волшебных предзнаменований [2, с. 129].

Согласно археологическим материалам из танских погребений на равнине Гуаньчжун в провинции Шэньси, изображения первой системы включают в себя: изображения почетного караула на западной и восточной стенах коридора-дромоса оседланных лошадей, экипажей и паланкинов, тех, кто отправляется на охоту, игру в поло, послов, стражников; изображения на стенах «внутренних дворов» (天井) и «гrotов» (过洞), примыкающих к коридору-дромосу почетного караула, козел с алебардами, гражданских чиновников; изображения на стенах коридора и примыкающих к нему «внутренних дворов» и «гrotов» придворных, служанок, дворцовых служанок, дам из высшего общества; изображения в могильной камере служанок, дворцовых служанок, музыкантов, ширм. Все эти картины образуют изобразительную систему, которая как бы ведет смотрящего снаружи внутрь дома. Данные изображения часто встречаются в гробницах с настенной живописью, являются основным компонентом этой изобразительной системы, который имеет определенные стандарты. Изображения следуют образцам погребальной живописи, статусу хозяина гробницы, отличиям и изменениям своей эпохи, отдельные элементы могли в некоторой степени изменяться [2, с. 130].

Что касается могильной камеры, то еще при Северной Чжоу (557-581) сформировалась модель организации, когда устройство могильной камеры копирует устройство внутреннего жилого помещения. Изображения с западных и восточных стен погребальных камер – оседланные лошади и собирающиеся отправиться в путь экипажи и паланкины, перемещены на западные и восточные стены коридоров или в примыкающие к ним «внутренние дворы», а впереди них обычно идет строй почетного караула [3, с. 272]. С одной стороны, увеличился состав почетного караула в коридоре, с другой стороны, это позволило более полно изобразить внутренний интерьер погребальной камеры. Интерьером камеры,

подобной внутреннему жилому помещению, становятся композиции, изображающие людей и размещенные на четырех стенах.

Изображения людей в гробницах ранней Тан на западной и восточной стенах коридора-дромоса, «гротов», «внутренних дворов» демонстрировали сцену внутреннего двора дома, что не встречается в гробницах периода Северных династий (381-581).

Способ размещения изображений космоса и божеств в раннетанских гробницах на равнине Гуаньчжун берет свое начало в период Северных династий. Верхняя часть внутри гробницы равномерно украшена небесными телами, такими как: солнце и луна звезды и Млечный Путь, а передняя часть западной и восточной стен коридора по большей части украшены изображениями зеленого дракона и белого тигра [1, р. 156], эта традиция идет напрямую из Восточной Вэй (534-550) и Северной Ци (550-577) и является основной схемой размещения космологических изображений в гробницах с настенной живописью на равнине Гуаньчжун. В небольшом количестве гробниц также обнаруживаются изображения летающих апсар, часто встречающихся в могилах периода Южных и Северных династий (420-589). Но содержание изображений космоса и божеств на настенных росписях в гробницах ранней Тан не такое как в гробницах Восточной Вэй и Северной Ци: исчезают изображения четырех божеств и двенадцати животных; почти исчезли изображения зверей, фениксов и птиц с человеческим лицом [2, с. 32].

Таким образом, в настенной погребальной живописи наблюдается тенденция к изображению реальной жизни и реальных людей, в то время как изображения божеств и мифических существ упрощаются и появляются гораздо реже. На это в определенной степени повлияла историческая обстановка в Китае того времени: активные торговые и экономические связи с иностранными государствами, влияние и проникновение некоторых аспектов других культур [4].

1. Fong M. Antecedents of Sui-Tang burial practices in Shaanxi. *Artibus asiae publishers*, 1991. Vol. 51, № 3/4. P. 147-198.

2. Ли Синмин. Тандай муши бихуа яньцзю [李星明. 唐代墓室壁画研究//陕西人民美术出版社] Исследования настенных росписей из гробниц династии Тан // Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ. 2005. 429 с. (на кит. яз.)

3. Кравцова М. Е. Мировая художественная культура: История искусства Китая: Учеб. пособие / Санкт-Петербург; Москва; Краснодар: Лань: Триада, 2004. 960 с.

4. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов В. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 335 с.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Алкин С. В.

Детали узды тюркского времени из могильника Курайка-2 (Южный Алтай)

Обляхова О. В.

Горно-Алтайский государственный университет

Для раннесредневековых тюрков определяющую роль играла верховая езда, которую обеспечивал необходимый материальный комплекс – конское снаряжение (амуниция). Конь был взнуздан даже во время сопровождения хозяина в загробную жизнь. Такое погребение с сопровождением коня было исследовано археологической экспедицией ГАГУ на могильнике Курайка-2 в 2016 году на территории Кош-Агачского района Республики Алтай у с. Курай. Курган был расположен на краю правобережной террасы, размываемой рекой Курайка, и находился под угрозой разрушения. Всего в ходе работ на могильнике было исследовано три объекта – два кургана и одна поминальная ограда.

Интересующий нас курган тюркского времени (курган 1) имел округлую форму, диаметр около 6 м и высоту не более 0,5 м. Насыпь была сложена из равного камня и валунов. Под курганом находилось погребение человека с лошадью. Сопроводительный инвентарь в погребении состоял, в основном, из предметов снаряжения верхового коня.

Амуниция верхового коня включает оголовье (узду) и седло. Оголовье – приспособление, надеваемое на голову лошади и позволяющее управлять ею [2]. В исследованном на могильнике Курайка-2 погребении из деталей узды сохранились – железные удила с псалиями и бронзовый уздечный набор.

Удила составляют часть узды, применяемой для взнуздывания лошади и управления ею с помощью повода [2]. В эпоху раннего средневековья часто применялось использование удил с псалиями. Псалии – это пара вертикальных стержней, прикреплявшихся перпендикулярно к окончаниям удил. В данном погребении найдены железные удила с железными S-образными псалиями. Удила состояли из двух звеньев, соединенных крюковым способом. На окончаниях звеньев удил имелись наружные кольца для крепления повода. Псалии же включали отдельные крепления для нащечного ремня узды. Полных аналогий удилам в опубликованных раннесредневековых археологических комплексах не обнаружено. Впрочем, по форме и способу крепления наш экземпляр близок к удилам, найденным на могильнике Катанда-II. Псалии по способу крепления к удилам и нащечному ремню сходны с экземпляром из памятника Узунтал-VI [3]. Памятники относятся к тузетинскому этапу тюркской культуры (2-я

половина VIII в. – 1-я половина IX в.) [3]. Также близкие по аналогии двукольчатые удила с S-образными псалями найдены на могильнике Ак-Кобы, датирующемся концом VII в. – 1-й половиной VIII в. [1].

К сожалению, в погребении не сохранилось деталей узды, изготовленных из органических материалов. Узда эпохи средневековья состояла из таких элементов как: суголовье, удила и повод [2]. Суголовье включало наносный, два нащечных, затылочный и подбородочный ремни. Суголовье крепилось к удилам через псалий, имевший щиток с отдельным отверстием для соединения с нащечным ремнем. Повод крепился к удилам при помощи дополнительных колец, фиксирующихся на окончаниях звеньев удил.

Исходя из представленных аналогий деталей узды, можно установить датировку кургана и определить нижнюю и верхнюю хронологические границы. По аналогичным двукольчатым удилам с S-образными псалями из могильника Ак-Кобы нижнюю границу можно установить как конец VII в., верхнюю по экземпляру похожего псаля из памятника Узунтал-VI – 1-я половина IX в.

По данным раскопок установлено, что сохранившийся сопроводительный инвентарь, связанный с человеком, был довольно скуден по сравнению с инвентарем верхового коня. Отсюда можно сделать вывод о том, что тюрки заботились о лошадях и старались изготовить снаряжение, ориентируясь на удобство не только всадника, но и животного.

-
1. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
 2. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул, 2004. 126с.
 3. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху Средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136с.

Научный руководитель – канд. ист. наук Константинов Н. А.

Развитие бакальской керамической традиции

Пименова А. В.

Тюменский государственный университет

В работе рассматриваются керамические комплексы городищ бакальской археологической культуры, т.к. данная культура является менее изученной среди средневековых древностей Западной Сибири. Культура охватывает подтаежную и лесостепную зону Зауралья и датируется IV-XIII вв. н.э. Гончарство культуры на данный момент изучено по ряду параметров: морфологические особенности и орнаментальные традиции. На сегодняшний день стоит задача изучить развитие керамической традиции бакальской АК в контексте хронологии.

Для решения данной задачи были изучены керамические комплексы следующих памятников лесостепного Тоболо-Ишимья:

1. Большое Бакальское городище, расположенное в черте города Шадринск (Курганская область) на северо-восточной окраине поселка Осеево. Радиоуглеродный анализ определил бакальский период заселения городища IV-VI вв. н.э. Выборка керамического материала составила 100 целых и археологически целых сосудов.
2. Борковское городище. Локализовано в Викуловском районе Тюменской области в 0,91 км к югу от д. Сартам, бакальский комплекс датируется ранним средневековьем. Выборка составила 92 археологически целых сосуда.
3. Коловское городище, являющееся опорным памятником по изучению хозяйства бакальского населения. Памятник расположен на правом берегу Исети недалеко от бывшей д. Колово и д. Лога Исетского района Тюменской области. Радиоуглеродные данные позволяют предположить, что бакальское население могло проживать на коловском мысу в VI-VII и VII-VIII вв. н.э. Для анализа была взята выборка из 113 целых и археологически целых сосудов.
4. Красногорское (Лизуновское) городище, расположенное в 8 км к западу от Коловского городища. По радиоуглеродным данным фиксируется два периода обживания мыса бакальским населением – в VI-VII и в IX-начале XI вв. н.э. Выборка керамического комплекса составила 94 целых и археологически целых сосуда.

В ходе работы была предпринята попытка корреляционного анализа керамических комплексов городищ по следующим параметрам: 1) количество определенных типов посуды внутри комплекса (горшки, чаши, миски и банки), но не исключая малорепрезентативных признаков в некоторых выборках, мы определяем их в минимальном количестве,

вычисляя процентное соотношение уже в зависимости от общего числа сосудов; 2) средняя толщина стенок сосудов в диапазонах – от 0,2 до 0,5 см, от 0,51 до 0,7 см, от 0,71 до 0,9 см и от 0,91 до 1,5 см; 3) форма венчика; 4) элементы орнаментов сосудов. Расчеты производились в программе STATISTICA version 10. Результат корреляционного анализа (см. рис. 1) показал существенную близость Борковского и Красногорского городищ, а также высокий коэффициент сходства керамического материала Коловского городища с вышеуказанными памятниками.

	Коловское городище	Борковское городище	Большое Бакальское городище	Красногорское городище
Коловское городище	1,00	0,89	0,81	0,90
Борковское городище	0,89	1,00	0,79	0,93
Большое Бакальское городище	0,81	0,79	1,00	0,80
Красногорское городище	0,90	0,93	0,80	1,00

Рис. 1. Матрица корреляций керамических комплексов бакальских городищ

По итогам анализа выяснилось, что в керамических комплексах ранних бакальских памятников высока доля чаш. Преобладают сосуды с толщиной стенок от 0,51 до 0,7 см, округлым и прямым венчиками. В орнаменте доминируют ямки и горизонтальная «ёлочка», доля неорнаментированных сосудов – 5%. В переходный период доминирующей формой посуды становятся горшки. Толщина стенок, форма венчика остаются прежними. Доминирующими элементами орнамента становятся сетка и ямки, доля неорнаментированных сосудов сокращается до 1,08 %. Для керамических комплексов поздних памятников характерно становление стабильной бакальской керамической традиции. Считаем, что это связано с территориальной и хронологической близостью Красногорского и Коловского городищ. В данный период преобладающей формой посуды становятся горшки, появляются толстостенные сосуды, что связано с увеличением их общих размеров. Наблюдаем высокую долю сосудов с округлыми и острыми венчиками. Происходит оскудение орнамента, что выражено в увеличении доли неорнаментированных сосудов с 2,12% (выборка Красногорского городища) до 7,96% (выборка Коловского городища); ямки и сетка остаются доминирующими элементами орнамента. Таким образом, эволюция бакальской керамической традиции прослеживается в первую очередь в изменении форм сосудов (возрастание доли горшков в посуде бакальского населения), увеличении их размеров (толщина стенок, диаметр и т.д.).

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Матвеева Н. П.

Погребения с конем гунно-сарматского времени (дялянский вариант)

Половников И. С.

Новосибирский государственный университет

Памятники «гунно-сарматского» времени (II в. до н. э. – V вв. н. э.) на территории Горного Алтая ряд специалистов выделяет в отдельную булан-кобинскую археологическую культуру. По мнению исследователей, сравнительный анализ признаков погребального обряда позволяет говорить об их единой этнокультурной основе [1]. Вместе с тем, в рамках этой культуры включают несколько типологических групп, получивших условные названия: «улуг-чолтухская», «карбанская», «берельская», «айрыдашская», «яломанская», «дялянская», «курайская», «кокпашская» [2].

На основе имеющихся материалов для булан-кобинской культуры разработано несколько классификационных схем погребального обряда, учитывающих наличие или отсутствие сопроводительного захоронения коня [3]. Однако при проведении подобных классификаций, включающих излишнюю детализацию элементов погребального обряда, наиболее показательные этнокультурные признаки «размываются». На наш взгляд, заслуживает внимание типология погребального обряда, опирающаяся на методику предложенную И. С. Каменецким [4].

Для более упорядоченного определения ведущих элементов погребального обряда могильника Дялян можно выделить два основных критерия: сооружения длинных могильных ям и положения в них коней, преимущественно, у ног погребенного. Из 9 подобных захоронений с «длинной могилой» на могильнике Дялян насчитывается 8. Коня укладывали в «ногах» погребенного человека, как правило, на одном уровне с ним, на левом боку или на животе с подогнутыми ногами, головой на северо-запад [5].

На могильнике Усть-Эдиган также встречается подобная форма захоронения с сопровождением животного. Курган 1 (погребение 3) и курган 33 имеют типологически сходные черты с выделенными на материалах могильника Дялян [6, 7].

Наиболее ранние захоронения коня в «ногах» человека на Алтае относятся к раннескифскому времени (вторая половина VII — начало VI вв. до н. э.). На могильнике Гилево-10 (группа № 5) в могилах 16, 31, 32 зафиксирован обряд подхоронения лошади, на перекрытии погребальной камеры. Умершие лежали на спине вытянуто, ориентированы головами на север. Лошади покоились на правом боку в южной части могилы, выше её

дна на приступке, ориентированы головами на западо-восток или юго-запад – северо-восток. Наибольшая близость к «дялянским» погребениям прослеживается в захоронении могилы 32. В могильной яме в ногах человека зафиксирована приступка, всю площадь которой занимал костяк лошади. Животное было ориентировано на север, за его головой находился баран, уложенный на живот. Автор раскопок предположил, что конь и баран «были намеренно размещены в меридиональном направлении и на перекрытии, в соответствии с особенностями погребального обряда» [8].

Рассматривая погребения могильника Дялян, в качестве отдельного варианта булан-кобинской культуры, мы можем говорить о существовании традиции, начало которой прослеживается в раннескифских памятниках, а наиболее яркое проявление приходится на гунно-сарматское время. Вопрос об «исторической судьбе» «дялянской» погребальной традиции в последующую эпоху (вторая половина I тыс. н. э.) остается открытым и требует изучения.

-
1. Тишкин А. А. Создание периодизационных схем и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2007. – С. 174.
 2. Серегин Н. Н., Матренин С. С. Археологические комплексы Алтая II в. до н. э. – XI в. н. э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 53–55.
 3. Соёнов В. И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (Описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 2003. – 160 с.
 4. Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. – М.: Наука, 1986. – Вып. 1. – С. 136–195.
 5. Тетерин Ю. В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 1991. – С. 155–157.
 6. Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 95–150.
 7. Худяков Ю. С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: изд-во КузГТУ, 1998. – С. 160–207.
 8. Шульга П. И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. – С. 81–82.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Митько О. А.

Антропологические исследования могильника Заречно-Убинское

Соболев А. В.

Новосибирский государственный педагогический университет

Могильник располагается на юго-западной стороне с. Заречно-Убинское Убинского района Новосибирской области, на берегу озера Убинское. Памятник в 1993-1998 гг. раскапывался В.И. Соболевым и В.Б. Малиновским. В настоящее время антропологическая коллекция хранится в музее Новосибирского государственного педагогического университета.

Нами обработана не введенная ранее в оборот антропологическая коллекция последнего 1998 года работ экспедиции В.И. Соболева. Исследовано 12 погребенных из 9 могил 6 курганов, относящихся к периоду позднего средневековья (15-17 век).

Под курганной насыпью №18 находилось 2 погребения. В первом выявлено останки 3 человек разной степени сохранности. Полнее всего присутствует скелет (№1) женщины 20-30 лет, представленный черепом с нижней челюсти, а также 119 костями. При определении роста использовались размеры сохранившихся полностью длинных трубчатых костей: бедренная кость – 394 мм, большеберцовая кость – 238 мм. Соответственно размерам костей использовалась формула Пирсона. Средний рост лица, которому принадлежат костные останки составляет 140,23 см.

Скелет №2 сохранился не полностью и представлен 13 костями таза и черепом женщины 50-65 лет с редко встречающейся патологией – ассимиляцией атланта – сращением I-ого шейного позвонка с затылочной костью. Данное заболевание может быть вызвано генетической предрасположенностью, нефропатия во время беременности, а также перенесёнными в утробном периоде инфекциями: туберкулёз костей, сифилис, и т.д.

Скелет №3 так же сохранился частично и представлен только черепом женщины возрастом 55-65 лет с двумя фрагментами нижней челюсти.

Погребение №2 (кургана 18) включало в себя скелет женщины возрастом 50-65 лет, насчитывавший 134 кости. Лицевая часть черепа отделена от мозговой части. При определении роста использовались размеры сохранившихся полностью длинных трубчатых костей: плечевая кость - 297 мм., лучевая кость – 238 мм и локтевая кость – 261 мм. Соответственно размерам костей использовалась формула Пирсона. Средний рост лица, которому принадлежат костные, составляет 156,25мм.

Курган №11 включал 2 погребения, однако антропологический материал сохранился только из могилы №2 и представлен черепом с сохранившейся лобной костью и лицевой частью с отсутствующей нижней челюстью. Предположительно, ребёнок - возраст 10-14 лет.

Курган №22 представлен 2 погребениями. Погребение №1 содержало 84-ех фрагментов деформированных огнём костей скелета и 123 фрагмента кремированных, растрескавшихся черепа. Погребение №2 представлено 60 фрагментами костей скелета.

Под насыпью кургана 21 выявлена одна могила содержащая останки двух погребённых. Скелет №1 представлен крестцом ребенка 2-3 лет. Скелет №2 принадлежит мужчине возрастом 35-45 лет. Представлен череп с нижней челюстью и 124 кости. При определении роста использовались размеры сохранившихся полностью длинных трубчатых костей: плечевая кость – 334 мм, локтевая кость – 282 мм, лучевая – 256 мм, бедренная кость – 432 мм, большеберцовая кость – 378 мм, малоберцовая кость – 367 мм. Соответственно размерам костей использовалась формула Пирсона. Средний рост умершего составляет 166.45 см. На черепе справа в лобно-теменной области имеются 2 следа заросшего рубленого ранения размером 52 мм и 17 мм соответственно с образовавшийся на месте повреждения костной мозолью и рубцом. Направление удара для первого ранения: спереди-сверху-книзу-кзади. Второй удар, скользящий на 3 см. ниже предыдущего. Орудие удара длинное с острым прямым краем (меч или топор).

Также под нижним краем правой глазницей в области верхнечелюстной кости присутствует дефект размером 20x17 мм характерный для удара тупым предметом с ограниченной, цилиндрической поверхностью с образованием вдавленного перелома с последующей деструкцией костей.

Курган №42 содержал одно погребение в котором сохранилось только четыре кости стопы.

Также среди антропологических материалов раскопок 1998 г присутствует скелет женщины возрастом 60-75 лет, точное место находки которой по сопроводительной документации установить не удалось. Скелет состоит из мозговой части черепа с фрагментами нижней челюсти. При определении роста использовались данные единственно полностью сохранившейся длинной трубчатой кости – локтевой кости размером 264 мм. Средний рост умершей составляет 170.49 см.

Таким образом, из 8 определимых скелетов серии 5 принадлежат женщинам, 2 – детям и 1 – мужчине. Средний рост взрослых составляет 155 см. Следует так же отметить высокую степень патологических изменений и боевого травмирования. Причем выявленное патологическое изменение очень редкое и характерно только для 2% населения.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Дураков И. А.

История археологического изучения городища Джанкент

Султанжанов Ж. К.

Кемеровский государственный университет

Джанкент – средневековый город в низовьях реки Сырдарья, столица огузского государства. Его развалины расположены в 1,5 км к юго-востоку от села Оркендеу (Казалинский р-н, Кызылординская обл.). Городище имеет форму, близкую к прямоугольной, общая его площадь составляет около 16 га. Оно обведено стенами с полукруглыми башнями. Эти фортификационные сооружения возведены из пахсовых блоков. Хорошо сохранилась восточная стена, в середине которой находятся ворота с двумя выносными башнями. Как видно на аэрофотоснимках, город делится центральной улицей на две равные части. По обе стороны улицы расположен шахристан, а в северо-западной части городища находится цитадель размером 110 × 110 м [1, с. 58 – 62; 5].

В 1867 г. по поручению Археологической комиссии П. И. Лерх и его помощник М. К. Приоров посетили городище Джанкент. Они описали памятник и провели съемку местности. В отчете П. И. Лерх отметил, что еще до его прибытия городище было нарушено киргизами, которые использовали квадратные кирпичи с памятника для своих могил. П. И. Лерхом были раскопаны четыре объекта в центральной и западной части городища. Он пришел к заключению, что памятник представляет собой остатки городища Янгикент, упоминаемого в средневековых письменных источниках [2, с. I – VII].

Осенью 1946 г. авиаразведочный отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) исследовал территорию Янгикентской группы памятников, в которую входят города Кескен-куюк кала, Джанкент, Куюк кала [1]. В результате работ экспедиции было сделано описание городища Джанкент, произведена аэрофотосъемка и собран подъемный материал.

В итоге С. П. Толстов, руководитель ХАЭЭ, ввел в научный оборот термин «болотные городища». Эта группа памятников, по его мнению, располагается «неподалеку от Казалинска на плоской, низменной, влажной равнине, ограниченной на севере Сыр-Дарьей, на западе – Аральским морем и на востоке – полосой болот и камышовых плавней, которыми заканчивается староречье Куван-Дарьи» [3, с. 276]. Именно эту территорию Толстов считал исконным районом обитания огузов.

На основании подъемного материала городище Джанкент было датировано С. П. Толстовым периодом с начала нашей эры до X – XI вв. [1, с. 68]. Позже Л. М. Левина, анализируя керамические материалы

«болотных городищ», пришла к выводу, что в Джанкенте есть также керамика развитого средневековья [4, с. 77].

ХАЭЭ производила полевые исследования на территории Джанкента только в 1946 г., хотя сама экспедиция просуществовала до 1997 г. Археологические работы на городище Джанкент были возобновлены после принятия государственной программы «Культурное наследие» и проведения конференции по археологии Приаралья в 2004 г. (г. Кызылорда, Казахстан). На конференции было заключено сотрудничество исследователей Казахстана и России. С 2005 г. начались полевые работы «Джанкентской археологической экспедиции». К настоящему времени исследовано более 1000 кв. м. Основные полевые работы проводятся на участке жилого квартала в восточной части городища (раскоп 1); в месте стыка северо-восточного угла цитадели с северной оборонительной стеной (раскоп 2) [5, с. 16 – 110]. Наряду с раскопками были произведены геофизические работы, изучены остеологические материалы и т.д. [5, с. 116 – 187].

И. А. Аржанцева, А. А. Тажекеев и др. современные исследователи Джанкента, основываясь на типологии городищ Г. В. Шишкиной и О. Н. Иневаткиной, отнесли Джанкент к типу I.2 «город, укрепленный цитаделью в черте городской огады» [5, с. 293]. В керамическом комплексе Г. Т. Амиргалина выделяет своеобразную керамику, отличающуюся лепным и довольно грубым исполнением, которую она условно называет «огузской» [5, с. 216 – 217].

Необходимо отметить, что до сих пор не найден могильник огузского времени. По предположению исследователей, он может быть расположен под современным кладбищем, которое находится в 500 м к северу от памятника. Материалы раскопок последних лет и результаты радиоуглеродных датировок позволили специалистам датировать городище периодом с конца VIII по начало XI в. н.э. [5, с. 33].

1. Толстов С. П. Города гузов // СЭ. 1947. №3. С. 55 – 102

2. Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870. 40 с.

3. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 323 с.

4. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХЭ. Т – VII. М.: Наука, 1971. 263 с.

5. Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011 – 2 014 гг.) / сост.: Аржанцева И. А., Тажекеев А. А. Алматы: «Арыс», 2014. 320 с.

Научный руководитель – Ермоленко Л. Н.

Топографические особенности локализации средневековых памятников. Притоболье (Западная Сибирь)

Третьяков Е. А.

Тюменский государственный университет

Проживание человека на какой-либо территории, обусловлено его непосредственным взаимодействием с природной средой. Так исследование археологических памятников в контексте географии с применением методов ГИС могут помочь определить ключевые особенности в характере расселения средневекового населения Западной Сибири.

Традиционно принято считать, что территорию Притоболья в эпоху средневековья заселялась носителями лесной – юдинской культурой, открытой В. Д. Викторовой [1] и степной бакальской, выведенной К. В. Сальниковым [2].

Территория распространения памятников бакальской и юдинской культур довольно велика. Она занимает северную часть лесостепной и часть подтаежной зоны Западной Сибири.

По данным палинологии период VI–X вв. были связаны с небольшим потеплением, что привело к сокращению лесов и продвижению логов на север, однако серьезной смены ландшафта не произошло [3].

Хронологические рамки культур определяются по следующим позициям: периодом бытования бакальской культуры принято считать IV–XIII вв. н. э. Существование юдинской культуры укладывается в рамки X–XIII вв. н. э. Однако в следствии многочисленных дискуссий ряд исследователей предлагали объединить молчановский тип памятников и юдинскую культуру в одну юдинскую культуру с выделением в ней молчановского этапа. Так, время существования юдинской культуры определялось бы VII–XIII вв. н. э.

Выявление общих закономерностей в топографической приуроченности археологических памятников видится нам очень важным при изучении расселения средневековых обществ.

За время исследования Западной Сибири отрядами ТюмАЭ, ИПОС СО РАН. Источниковая база была пополнена большим количеством памятников археологии. Так нами учтено 83 археологических памятника, относящихся к эпохе средневековья. Из них: 37 городищ, 35 неукрепленных поселений, 5 курганных и 4 грунтовых могильника, 1 могильник (Козловский 2) является как грунтовым, так и курганным.

В подтаежной части, памятники представлены береговыми и мысовидными городищами и немногочисленными неукрепленными

поселениями. Чаще всего памятники приурочены к водным источникам и локализуются на террасах рек, таких как Тавда, Тура, Иска. По берегам крупных озер Ипкуль, Аракчино. Большое количество средневековых поселений городищ и некрополей сконцентрировано вокруг хорошо исследованной за многие годы Андреевской озерной системы.

В более южной лесостепной части средневековые комплексы располагаются на местности образуя своеобразные микрорайоны, включающие в себя от одного до двух городищ поселения и могильники. А по сравнению с северными памятниками их площадь значительно больше. Так же в степных регионах повышается количество неукреплённых поселков.

Подводя итоги стоит сказать, что с помощью методов ГИС и пространственного анализа нам удалось установить, что преобладающим фактором в специфике заселения территории являются географические и экологические условия. Однако выделить какой-либо этнический или культурный компонент в специфике заселения территории очень сложно, а зачастую не видится возможным. Из-за малой изученности памятников на данной территории. Так, в подтаежной зоне памятники располагаются на высоких коренных террасах рек, что обеспечивало безопасность проживания и увеличивало дальность обзора. В лесостепной зоне поселения также приурочены к аналогичным террасам, однако из-за более равнинного рельефа местности памятники тяготеют к пойме. Возможно привязка памятников к водным источникам, связана с хозяйственной деятельностью населения, которое использовало комплексный подход в хозяйстве, где важную роль играло рыболовство. Данные выводы будут учтены в дальнейших полевых изысканиях.

-
1. Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников): автореф. дис. канд. ист. наук. – Свердловск, 1969. – 20 с.
 2. Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2011. – 19 с.
 3. Рябогина Н.Е. Иванов С.Н. Семочкина Т.Г. Изменение палеогеографических условий Тоболо-Ишимья в среднем и позднем голоцене как основа для реконструкции среды обитания древнего человека// Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 85–96.

Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Матвеева Н. П.

Лук и стрелы бурят эпохи позднего Средневековья: проблемы изучения

Харитонов Р. М.

Новосибирский государственный университет

В последние годы на территории этнической Бурятии происходит возрождение традиционных видов спорта. Неотъемлемой частью «Трех игр мужей» («Эрын гурбан наадан») является стрельба из лука. На сегодняшний день спортивный инвентарь большинства лучников представлен оружием, изготовленным с использованием современных, неизвестных в древности материалов, что позволяет говорить о постепенной замене бурятами традиционных луков на более современные.

Проведенный историографический анализ показал, что среди исследований бурятского лука преобладают работы этнографического характера. К теме метательного оружия бурят обращались такие исследователи как М. Н. Хангалов, С. Г. Жамбалова, Е. И. Тугутов и др. Все работы имели описательный характер и рассматривали бурятские луки в контексте определенной темы. Ученые не поднимали задачу подробного изучения, сравнительного и естественнонаучного анализа и типологизации всего имеющегося материала. Более того, не выработано единой терминологии и системы описания этнографических луков, что порождает многочисленные ошибки и неточности.

В археологических исследованиях, также отсутствуют комплексные работы по бурятскому луку. В рамках изучения военного дела кочевников, бурятские луки описывали в своих работах А. В. Михайлов, Ю. С. Худяков, Л. А. Бобров, однако объектом отдельного исследования бурятский лук так и не стал.

В настоящее время в научный оборот введены четыре лука, интерпретированные как бурятские. Три из них представляют изделия предбайкальских бурят: из погребения 2 бухты Хагун, погребений 2 и 41 могильника Усть-Талькин. Каждый из этих комплексов представляет аналогичный набор, состоящий из трех роговых накладок: срединной веслообразной и парой плечевых. В Забайкалье найден только один лук, представленный погребением из Аргады, гораздо лучшей сохранности.

На наш взгляд, изучение лука должно быть продолжено в рамках этнографо-археологического исследования. Только комплексный анализ археологических и этнографических материалов из музеев и частных коллекций, а также сведений полученных от мастеров занимающихся изготовлением и реставрацией старинных луков, может дать представление о бурятском традиционном луке.

К процессу изучения позднесредневековых бурятских луков могут быть привлечены материалы XIX – XX вв. В фондах Национального музея Республики Бурятия имени М. Н. Хангалова хранится крупная коллекция этнографических изделий. Также в большом количестве бурятских семей сохранились луки, передававшиеся по наследству. Однако не разработано методики изучения метательного оружия данного периода. Большинство этнографических луков находятся в том состоянии, которое не позволяет всесторонне изучить их устройство, без нарушения целостности. В связи с этим очень перспективным представляется использование рентгеновских снимков для подробного изучения всех составных частей, в том числе конструкции деревянной основы.

Сопоставление археологических и этнографических данных не дает какого-либо единства конструктивных особенностей, что свидетельствует об индивидуальном характере каждого лука, в процессе изготовления которого учитываются характеристики будущего владельца.

Несмотря на свидетельства ряда авторов о том, что мастеров владевших традицией изготовления бурятского лука не осталось, нельзя говорить о том, что это ремесло потеряно. В бурятских деревнях по сей день живут умельцы, изготавливающие этот вид метательного оружия.

Дальнейшая разработка вопроса требует дополнительного детализированного исследования археологического материала. Так, например, в Музее БНЦ СО РАН хранится лук из Аргады, с которым нам удалось поработать. Хорошая сохранность предмета позволяет в деталях рассмотреть его технологическое устройство. Сохранились не только срединные и концевые накладки, выполненные из компактного вещества рога оленя, но и плечевые, сделанные из рога домашних полорогих животных, фрагменты деревянной основы, остатки сухожильной оплетки, фрагменты тетивы, а также два роговых боковых конструктивных элемента. Аналогичные им детали, выполненные из дерева, встречаются на большинстве луков этнографической современности.

Современное состояние изучения проблемы требует новых методов исследования, опирающихся на привлечение всего массива археологического и этнографического материала. Необходимо разработать единую терминологию, а также систему сопоставления археологического и этнографического материала.

Научный руководитель – д-р ист. наук Соловьев А. И.

Тюркское длинноклинковое оружие в эпоху раннего средневековья

Шаламов И. К.

Горно-Алтайский государственный университет

На определенном этапе исторического развития длинноклинковое оружие становится основным оружием ближнего боя у большинства народов Евразии. Распространению данного вида оружия способствовало несколько моментов. Во-первых, такое оружие было весьма эффективным и имело большие поражающие свойства. Во-вторых, длинный клинок мог быть разным по назначению (рубящим, колющим, либо универсальным). В-третьих, длинноклинковое оружие делало возможным создание сложной, развитой техники боя. При этом следует отметить, что появление и развитие длинноклинкового оружия было связано с освоением железа, так как длинный, относительно узкий клинок, мог быть достаточно прочным и иметь значительные поражающие свойства только будучи железным или стальным.

Среди раннесредневековых тюрков также как и среди других народов Азии в период средневековья длинноклинковое оружие получило широкое распространение. Изучение данного вида оружия тюрков представляется очень важным, так как может в большой степени помочь охарактеризовать тактику и развитие древнетюркского военного дела.

Раннесредневековыми тюрками использовалось три вида длинноклинкового оружия: меч, палаш, сабля. Каждый из этих типов появлялся в определенный период времени, постепенно вытесняя предыдущий, хотя тот продолжает использоваться, но в гораздо меньшей степени. Из немногочисленных найденных образцов единственный двухлезвийный меч относится к VI-VII вв., (Кудыргэ), палаши к VI-IX вв. (Усть-Бийке-III, Кызыл-Таш, Кара-Коба-I, Джолин-I, Балтарган, Шестаково, Аймырлыг III, Ибыргыз-кисте) [1, 2]. Изображения длинноклинкового оружия можно увидеть на древнетюркских изваяниях. На скульптуре изображено оружие как с прямым, так и с изогнутым клинком. В случае, когда навершие оружия с прямым клинком смещено в сторону от рукояти, можно утверждать, что это палаш [1]. Таким образом, можно предположить, что мечи имели распространение у тюрков в период Первого Тюркского каганата, палаши во второй половине I тысячелетия до н. э., а сабли в VII-IX веках.

Так как меч, палаш и сабля возникали последовательно один за другим, то возникает вопрос: отсутствует ли связь между ними, либо каждый следующий вид является результатом эволюции предыдущего вида.

Причиной такой эволюции было изменение военной тактики, что требовало нового оружия, более эффективного в новых условиях.

Для этого следует подробнее рассмотреть один из трех видов – палаш. Именно этот вид оружия является главным показателем эволюции тюркского длинноклинкового оружия:

1) Данное оружие можно рассматривать, как переходную форму от меча к сабле, так как палаш по определению является колюще-рубящим оружием, сочетающим в себе качества меча и сабли [4].

2) Отдельные экземпляры этого вида оружия несут определенные признаки, приближающие их либо к мечам, либо к саблям, обозначая тем самым плавный переход от меча к сабле:

а) Заточка. Палаша были как с двухсторонней заточкой, так и с односторонней. Двухсторонняя заточка усиливала колющие свойства клинка [3]. То, что начинает использоваться односторонняя заточка, показывает ослабление необходимости в преимущественно колющем оружии.

б) Изгиб клинка. Клинок палаша мог быть как прямым, так и слабоизогнутым [5]. Можно говорить о том, что палаша с явным изгибом клинка являются непосредственными предшественниками сабель. Изгиб клинка увеличивает его рубящие свойства. Таким образом, видно, что усиливается необходимость в оружии, чья основная функция – рубящая. Несмотря на отсутствие находок сабель в археологических памятниках, вероятно, они все же широко применялись тюрками, о чем говорят их изображения на скульптурах [1].

Таким образом, можно проследить эволюцию тюркского длинноклинкового оружия. Меч постепенно «превращается» в палаш, а затем в саблю. При этом оружие остается универсальным, но если на начальном этапе клинок был в большей степени колющим, то затем постепенно усиливаются рубящие свойства клинка. Это может свидетельствовать об изменении в течении времени тактики тюркских воинов, о развитии их военного дела.

1. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

2. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Барнаул, 2006. 232 с.

3. Соловьев А. И. Древние тюрки. Тюркский каганат/История Сибири. Режим доступа. URL: <http://history.novosibdom.ru> (дата обращения: 30.01.2017)

4. Колобаев Ю. Р. Классификация оружия с изогнутым лезвием/ Холодное оружие. Режим доступа. URL: <http://bladeist.ru> (дата обращения: 24.01.2017)

5. Кубарев В. Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае.// Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 25-36.

Характер ограбления древнетюркских захоронений на могильнике Тартас-1

Швецова Е. С.

Новосибирский государственный университет

Памятник Тартас-1 это обширный некрополь протяженностью несколько километров, включающий разновременные и разнокультурные могильники, ритуальные сооружения и иные конструкции. Некрополь расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас, недалеко от места ее впадения в р. Омь, в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас Венгеровского р-на Новосибирской обл. Памятник исследуется с 2003 г.[1] В данной работе характеризуется характер нарушений древнетюркских захоронений на некрополе Тартас-1.

На памятнике на сегодняшний день выявлено шесть погребений, которые по найденным в них артефактам можно отнести к древнетюркскому времени. Можно констатировать, что все из них были преднамеренно потревожены. В объяснении причин нарушения погребений исследователи придерживаются двух основных вариантов: ритуальная деятельность и ограбление[2]. В связи с небольшим количеством погребений, возможные ритуальные действия на данном памятнике анализировать не представляется возможным.

В отношении памятника Тартас-1 можно условно выделить несколько видов разрушений древних могил:

1. Разрушения (ограбления) с целью наживы сделанные еще в древности, скорее всего современниками.
2. Разрушения (ограбления) с целью наживы сделанные в современное время.
3. Разрушения в процессе сооружения новых погребальных конструкций.

Первый вид наиболее распространенный на данном комплексе. Он зафиксирован в пяти случаях из шести. На это указывает останки человеческих и лошадиных костей найденные в сочленение. В пяти случаях проникновения в погребения читаются по стратиграфическим данным. Основная часть памятника Тартас-1, является разновременным грунтовым могильником, и судя по характеру проникновения можно передоложить, что ранее у древнетюркских погребений был отличительный признак, возможно, в виде надмогильного сооружения. Можно говорить о том, что проникавшие хорошо знали детали погребально-поминального ритуала, ориентацию погребений, расположение погребенного внутри могильной ямы и характер

сопроводительного инвентаря. Видимо поэтому разрушалась только верхняя часть скелета, т.к. там находились артефакты, а нижняя сохранялась *in situ*. На могильнике Тартас-1 это погр. 346, 268, 486. В трех случаях преднамеренное проникновение затронуло всю площадь камеры – погр. 265, 261 и 337.

Ко второму виду намеренного нарушения погребения можно отнести погребение №346. Погребение было потревожено, по-видимому, неоднократно, зафиксировано как минимум два грабительских хода, доходивших в центральной части могильной ямы до уровня материка. Судя по сохранившимся *in situ* частям скелетов, первое проникновение в него было совершено вскоре после захоронения, пока не разложились мягкие ткани погребенных и лошадей, второй раз в современное время. На это указывают фрагменты черепа, верхняя часть которого отсечена по глазницам, судя по следам, современным копательным средством (лопатой?).

К третьему виду относится погребение №486. Оно, как и все остальные, было потревожено еще в древности. Затем, оно было вновь нарушено, перекрытием более позднее погребение, судя по всему оставленное носителями кыштовской культуры позднего средневековья.

Таким образом, можно говорить, что основной целью проникновения в могилы могли быть определенные предметы вооружения, орудия труда и украшения. Признаки проникновения фиксировались во всех структурных частях некрополя: в погребальной камере, на останках погребенного и коня, на сопроводительном инвентаре. Проникновение происходило почти во всех случаях еще в древности, скорее всего современниками, лишь в редких случаях это было сделано уже в современное время. Несмотря на то, что все погребения являются потревоженными с целью ограбления, в них найдены немногочисленные артефакты позволяющие датировать комплекс погребений древнетюркским временем.

1. Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Тартас-1. Некоторые итоги полевых исследований // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 202.

2. Гришин А.Е. Преднамеренно нарушенные погребальные комплексы одиноцкого некрополя Сопка-2/4А (бронзовый век Обь-Иртышского междуречья) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. – СПб: ИИМК РАН, 2016. – С. 72.

Научный руководитель – д-р ист. наук, акад. Молодин В. И.

Шейные украшения населения Саяно-Алтая (Горный Алтай, Минусинская котловина, территория Тувы) в I тыс. до н.э. (вопросы социальной и историко-культурной интерпретации)

Шевченко Т. А.

Новосибирский государственный университет

Начиная с эпохи камня и палеометалла, наиболее социально показательными предметами являются шейные украшения. В скифское время повышенный социальный и семантический статус приобретают гривны и пекторали. Для них присущи четыре основные функции: эстетическая, магическая, социальная и практическая (скорее экономическая).

В скифское время население, проживавшее на территории Саяно-Алтая в рамках трех крупных культурно-исторических и территориальных образований (Горный Алтай, Минусинская котловина, территория Тувы), ношению гривен предавало особое значение. В конце VII – начале VI вв. до н.э. гривны встречаются в захоронениях определенной социальной группы. Это мужчины-воины и представители всаднической верхушки. Позднее количество находок гривен возрастает, и они начинают встречаться в женских захоронениях.

Для пазырыкской культуры Горного Алтая характерны художественно оформленные гривны, изготовленные из дерева и покрытые листовым золотом. С.И. Руденко одним из первых дал развернутую характеристику, отметив, что большая часть гривен представляет собой изогнутую в кольцо полу трубку, в свободные концы которой вставлялись вырезанные из дерева и рога наконечники [1].

Большой вклад в изучение гривен внес В.Д. Кубарев. Он уточнил, что концы гривен, как правило, оформлялись в виде тел и голов, в основном, четырех видов животных, наиболее распространенных в скифо-сибирском искусстве (барс, волк, грифон, горный баран). В разработанной им типологии для каждого вида животного, акцент сделан на положении тела, оскала хищника и техники изготовления [2]. Вопросы социального статуса и связи положения, умершего в обществе с образами животных, представленных на гривнах, равно как и гендерные взаимосвязи, им не рассматривались.

По данным С.В. Трифановой для населения Горного Алтая в гунно-сарматское время, в отличие от скифского, гривна являлась преимущественно женским украшением. Анализ погребальных памятников показал, что они встречаются в 57% погребениях, из которых только 29% являются мужскими [3].

В погребениях тагарской культуры наибольшее распространение получили бусы. Ряд характерных особенностей отметил Н.А. Боковенко: на сарагашенском этапе гривны в виде изогнутых гладких пластин заменялись либо дугообразными амулетами, концы которых оформлены в виде головок копытных, или оленными нагрудными бляхами. Из 167 учтенных им захоронений гривны входят в состав 4,7% детских захоронений, 8,47% женских захоронений, 2,69% мужских захоронений [4]. Небольшое количество гривен, являющихся маркерами социальной верхушки скифского общества, может быть связано с коллективных характером захоронений, в которых отдельные погребения не выделялись.

Наиболее яркие находки гривен (к которым скорее применим термин пектораль) были сделаны на территории Тувы. В «царском» захоронении кургана Аржан 2, относящийся к албы-бельской культуре, погребенных мужчину и женщину сопровождали две гривны. Они относятся к высокохудожественным изделиям скифо-сибирского мира и не имеют аналогов не только в пределах Саяно-Алтайского региона, но и за его границами.

Вл. А. Семенов высказал предположение, что в «царском» кургане Аржан 2 были погребены представители новой кочевой элиты. В их сопроводительном инвентаре сочетаются как личные украшения, так и символы власти, инстингии, включая золотые гривны [5].

-
1. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время // М.-Л.: 1953. 402 с.
 2. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. — с. 125-132.
 3. Трифанова С.В. Классификация гривен Саяно-Алтая Гунно-Сарматского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 201–205.
 4. Боковенко Н.А. Символика элитных воинских захоронений кочевников Центральной Азии в I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века. Санкт-Петербург. 2001. С. 137–143.
 5. Семенов Вл. А. искусство варварских племен. – Спб.: ООО «Типография “НП-Принт”», 2015. – с. 80 - 83

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Митько О. А.

К вопросу об атрибуции «рейтарского» шлема из Далматовского монастыря

Шишкин Н. С.

Новосибирский государственный университет

В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится железный шлем традиционно атрибутируемый российскими археологами и оружейоведами, как «рейтарский шишак». Проведенный анализ показал, что конструкция и система оформления наголовья имеет существенные отличия от шлемов, применявшихся рейтарами Центральной и Восточной Европы XVI-XVII вв.

Цель работы: на основе комплексного анализа источников уточнить атрибуцию и датировку шлема из Далматовского монастыря.

Шлем из Далматовского монастыря имеет низкую цельнокованую сфероконическую тулью. Общая высота – 14,5 см. Диаметр – 22 см. Наверху представлено небольшим выступом со сквозным отверстием, служившим для крепления металлической плюмажной втулки. Нижняя часть тульи имеет рант, представляющий собой загнутую вовнутрь железную пластину. К лицевой части шлема приклепан козырек с отверстием для наносника. К тыльной части наголовья прикреплен ламинарный назатыльник «рачий хвост», состоящий из пяти выгнутых железных пластин: четырех прямоугольных и одной (нижней) трапецевидной, скрепленных с кожаной подкладкой 28-ю железными заклепками, 20 из которых имеют латунные шляпки, 8 – простые железные [4]. Тулья шлема украшена 11-ю рельефными заклепками из медного сплава и 10-ю мелкими железными заклепками, служившими для крепления матерчатого подшлемника. Следует отметить более поздние добавления, к которым относятся простые железные заклепки в центральной части козырька и на тулье наголовья. В настоящее время известно о восьми шлемах, конструкции и оформление которых являются такими же. Согласно реконструкции Л.А. Боброва, основанной на анализе шишаков подобного типа из различных собраний, подобные шишаки снабжались массивными железными наушами прикрывавшими щеки и уши воина. Экспериментальные испытания копии шлема из Далматовского монастыря показали высокий уровень защиты головы и шеи носителя от рубящих ударов саблей, большую удобность и отличный обзор [1].

Изучение боевых наголовий рейтар Центральной и Восточной Европы показало, что по своей конструкции и системе оформления они имеют существенные отличия от шлема из Далматовского монастыря. Так, в

частности, преобладающей разновидностью рейтарских шлемов данных регионов в XVI в. были т.н. «бургиньоты» («штурмхаубе»), а в XVII в. «рейтарские шишаки» с очень широким козырьком и небольшими железными наушами (обе разновидности шлемов так же обнаружены на территории Сибири) [2]. Что касается шлема из Далматовского монастыря, то его ближайшими аналогами являются шишаки германских кирасир и знаменитых «крылатых» гусар Речи Посполитой XVII в. Это позволяет предположить, что рассматриваемый шлем изначально представлял собой гусарское наголовье изготовленное русскими мастерами по европейским образцам. Известно, что первые гусарские подразделения, вооруженные по польскому образцу, появились в русской армии еще в середине 30-х гг. XVII в. Кроме того, из данных письменных источников известно, что в первой половине XVII в. в Сибирь из европейской части России отправлялись предметы гусарского вооружения (в частности, «гусарские древа», то есть копья) [3]. Таким образом, можно предполагать, что шлем из Далматовского монастыря изначально создавался, как гусарское наголовье. Время его изготовления можно локализовать 30-80-ми гг. XVII в. Владельцем шлема в Сибири мог быть, как воин-рейтар (в этом случае шлем был ввезен на территорию Зауралья не позднее 1678 г.), так и представитель традиционных категорий служилых людей.

1. Бобров Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря. // Сохранение и изучение культуры Алтайского края. Вып. XX. Барнаул: Изд-во Алтайского Гос. Ун-та. 2014. с. 52-59.
2. Бобров Л.А. «Шишак Московский, шишак литовский, шишак калмыцкий...» боевые наголовья российских воинов в Сибири в конце XVI – XVII вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. СПб: «ВИМАИВиВС». 2014. с. 190-206.
3. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII в. Вооружение и военная организация: Учеб. пособие./Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. с. 72-77.
4. Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662 – 1667 гг. в южном Зауралье. // Новгородская земля и Екатеринбург, 2000. с. 315-332.

Научный руководитель – д-р ист. наук, доцент Бобров Л. А.

Проникновение китайского импорта в Верхнее и Среднее Приобье в эпоху раннего средневековья

Яковлев Д. Т.

Новосибирский государственный педагогический университет

Регистрация и изучение предметов, восточного импорта, имеет принципиальное значение для постановки и решения вопросов социально-экономического развития средневековых обществ.

На сегодняшний день в Верхнем и Среднем Приобье исследовано более 40 средневековых могильных комплексов, во многих из которых обнаружены предметы китайской материальной культуры (монеты, шелковая ткань, зеркала).

В Приобье первое поступление китайского импорта (прежде всего монет) зафиксировано в барнаульско-бийской группе памятников VI – первой половины VII вв. н. э. В могильниках этого времени обнаружено 20 китайских монет.

В материалах верхнеобской культуры Новосибирского Приобья предметы из Китая присутствуют в 6 из 18 исследованных могильных комплексов.

Проникновение этих материалов в регион Среднего Приобья начинается во второй половине VII в. и остается стабильным на протяжении двух столетий [1]. Обнаружено 16 монет из могильников Умна-3, Юрт-Акбалык-8, Красный Яр-1 и Каменный мыс. Также погребения раннего средневековья Крохалевка-23 и Соколово-16 содержали остатки шелковой ткани.

В Среднем Приобье в памятниках VI-IX вв. (Тимирязевский курганный могильник 1, могильник у Архиерейской заимки, Могильницкий) найдено 15 китайских монет и фрагменты шелковой ткани.

С IX в. в памятниках сросткинской культуры прослеживается значительное уменьшение китайских предметов. Китайские монеты встречаются лишь в южных памятниках алтайского Приобья Сростки 1 и Кукушкин Елбан 2 (8 экземпляров) [2]. С другой стороны, в Верхнем и Среднем Приобье в начале II тысячелетия н.э. получают распространение бронзовые китайские зеркала и сделанные с них реплики. В сросткинском кургане из комплекса Ташара-Карьер 2 среди прочего богатого инвентаря была найдена реплика китайского зеркала эпохи Сун. Причем, судя по технологическим следам (многократным отпечаткам литника), реплику с зеркала снимали как минимум трижды.

Во время раскопок могильника у Малой Киргизки обнаружено пять китайских зеркал, два из которых на обратной стороне имели изображение божества Большой Медведицы. Еще один экземпляр зеркала с божеством Большой Медведицы найден в Астраханцевском могильнике. В Басандайском курганном могильнике находилось два зеркала, орнаментированные фениксами. Интересно, что там же был обнаружен амулет IX-X вв. по внешнему краю которого были изображены 12 символических животных китайского хронологического цикла. Помимо этого, в большинстве памятников по-прежнему встречаются фрагменты шелковой ткани.

Таким образом, сопоставляя полученную информацию с известной историей средневековых торговых путей Евразии, мы можем сделать следующие выводы:

1. В район Верхнего и Среднего Приобья предметы китайского производства попадают не ранее второй половины VI в. н.э., что можно связать с включением лесостепного Алтая в состав Первого Тюркского каганата, в результате чего население Приобья было вовлечено в контакты с Центральной Азией.

2. Объем китайского импорта количественно уменьшается вдоль русла Оби по направлению с юга на север и не встречается в археологических памятниках севернее впадения Иртыша в Обь.

3. Китайская материальная культура в памятниках VI-VIII вв. представлена в основном монетами, а в последующий период IX-XII вв. преобладают зеркала и выполненные с них реплики.

4. В последующий период отмечается угасание проникновения китайского импорта в регион, возможно, вследствие монгольской экспансии и нестабильной политической ситуации в Центральной Азии. Связи Приобья с далеким Китаем после XII в. требуют дополнительного исследования.

1. Яковлев Д. Т. Динамика изменений торгово-обменных отношений верхнеобской археологической культуры Новосибирского Приобья во второй половине I тысячелетия н.э. // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Археология / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2016. – С. 75-76.

2. Неверов С. В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. - С.128

Научный руководитель – канд. ист. наук, доц. Дураков И. А.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдигали Н. А.	21	Нестеров С. С.	43
Адегова О. И.	23	Новожилов Р. Д.	45
Адельчанов К. С.	21	Обляхова О. В.	65
Айтбаев А. Б.	21	Панкина А. И.	15
Алишер кызы Салтанат.	5	Патрушева А. Е.	17
Алишери Д.	7	Пилькина А. А.	47
Амургушева А.С.	57	Пименова А. В.	67
Бобин Д. Н.	25	Половников И. С.	69
Габышев А.С.	27	Савко И. А.	49
Гаврилина Т.А.	9	Селецкий М. В.	19
Губар Ю. С.	11	Соболев А. В.	71
Давыдов Р. В.	59	Султанжанов Ж. К.	73
Данилова О. С.	29	Третьяков Е. А.	75
Дукомбайев А. Т.	61	Урбушев А. У.	51
Жанпеисов Б. О.	31	Харитонов Р. М.	77
Зими́на А. Д.	63	Шабалов В. П.	53
Ивахненко Л. Н.	33	Шаламов И. К.	79
Кравченко И. А.	35	Швецова Е. С.	81
Крымская И. С.	37	Шевченко Т.А.	83
Кучеров П. Ю.	39	Шишкин Н.С.	85
Марченко Д. В.	13	Шишкина О. О.	55
Маслодудо С. В.	41	Яковлев Д. Т.	87

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА	5
Алишер кызы Салтанат.....	5
Алишери Д.	7
Гаврилина Т. А.....	9
Губар Ю. С.	11
Марченко Д. В.....	13
Панкина А. И.....	15
Патрушева А. Е.....	17
Селецкий М. В.	19
АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА	21
Абдигали Н. А., Айтбаев А. Б., Адельчанов К. С.....	21
Адегова О. И.	23
Бобин Д. Н.....	25
Габышев А. С.	27
Данилова О. С.....	29
Жанпеисов Б. О.....	31
Ивахненко Л. Н.....	33
Кравченко И. А.	35
Крымская И. С.	37
Кучеров П. Ю.....	39
Маслодудо С. В.....	41
Нестеров С. С.....	43
Новожилов Р. Д.....	45
Пилькина А. А.....	47
Савко И. А.	49
Урбушев А. У.....	51
Шабалов В. П.	53
Шишкина О. О.	55
АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	57
Амургушева А. С.	57
Давыдов Р. В.	59
Дукомбайев А. Т.....	61
Зими́на А. Д.....	63
Обляхова О. В.	65
Пименова А. В.	67

Половников И. С.....	69
Соболев А. В.	71
Султанжанов Ж. К.	73
Третьяков Е. А.	75
Харитонов Р. М.....	77
Шаламов И. К.....	79
Швецова Е. С.....	81
Шевченко Т. А.	83
Шишкин Н. С.	85
Яковлев Д. Т.....	87
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	89

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
55-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МНСК–2017

АРХЕОЛОГИЯ

Материалы конференции публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 31.03.2017 г. Формат 60x84/16
Уч.-изд. л. 5,75. Усл. печ. л. 5,3. Тираж 100 экз.
Заказ № 48.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2